

Живая история

В. А. Левицкий

На Кавказском
фронте
Первой мировой

Воспоминания капитана
155-го пехотного Кубинского полка.
1914—1917

Живая история (Кучково поле)

Валентин Левицкий

**На Кавказском фронте Первой
мировой. Воспоминания
капитана 155-го пехотного
Кубинского полка.1914–1917**

Издательство «Кучково поле»

2014

УДК 93
ББК 63.3(2)524

Левицкий В. Л.

На Кавказском фронте Первой мировой. Воспоминания
капитана 155-го пехотного Кубинского полка. 1914–1917 /
В. Л. Левицкий — Издательство «Кучково поле», 2014 — (Живая
история (Кучково поле))

ISBN 978-5-9950-0417-2

«Глубоко веря в восстановление былой славы российской армии и ее традиций – я пишу свои воспоминания в надежде, что они могут оказаться полезными тому, кому представится возможность запечатлеть былую славу Кавказских полков на страницах истории. В память прошлого, в назидание грядущему – имя 155-го пехотного Кубинского полка должно занять себе достойное место в летописи Кавказской армии. В интересах абсолютной точности, считаю долгом подчеркнуть, что я в своих воспоминаниях буду касаться только тех событий, в которых я сам принимал участие, как рядовой офицер» – такими словами начинает свои воспоминания капитан 155-го пехотного Кубинского полка пехотного полка В. Л. Левицкий. Его мемуары – это не тактическая история одного из полков на полях сражения Первой мировой войны, это живой рассказ, в котором основное внимание уделено деталям, мелочам офицерского быта, боевым зарисовкам.

УДК 93
ББК 63.3(2)524

ISBN 978-5-9950-0417-2

© Левицкий В. Л., 2014

© Издательство «Кучково поле», 2014

Содержание

Предисловие	7
ВСТУПЛЕНИЕ	9
Краткие сведения о службе полка со дня его формирования до начала войны 1914–1917 годов	10
Часть I	12
Обстановка перед войной	12
Часть II	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Валентин Левицкий На Кавказском фронте Первой мировой. Воспоминания капитана 155- го пехотного Кубинского полка. 1914–1917

*Посвящаю свой труд богатырю земли Русской генералу Юденичу и
дорогим кубинцам, на полях брани умноживших славу своих знамен.*
В. Левицкий

Публикуется впервые по рукописи из фондов Государственного архива РФ.
Публикуется по рукописи: ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 452. Л. 1–642.

© Государственный архив РФ, 2014
© ООО «Кучково поле», 2014
© Чиняков М. К., предисл., примеч., 2014

Предисловие

Мемуарная литература, являясь важным историческим источником, всегда была востребована в интеллектуальном обществе, ибо через знакомство с ней можно узнать не столько о реальных событиях прошлого (иногда вольно или невольно подправленных автором), сколько об общей атмосфере событий, пережитых очевидцем. Конечно, наибольший интерес вызывают прежде всего мемуары полководцев и военачальников, особенно самых именитых и прославленных, вершителей судеб тысяч солдат на поле боя; и только потом мы обращаемся к воспоминаниям неизвестных или малоизвестных офицеров и солдат, которым не требовалось возвеличивать свои победы или искать оправдания поражениям.

В 2014 году в России и во всем мире отмечают 100-летие начала Первой мировой войны (1914–1918). Хотя Россия приняла в ней самое активное и непосредственное участие, носившее во многом определяющий и решающий характер, в последние десятилетия в отечественной исторической науке о Первой мировой войне, как правило, упоминалось только как о предтече другого, хотя и не менее значимого, события – Октябрьской революции. В последнее время на многочисленных примерах можно наблюдать резко возросший интерес в научной литературе к изучению Первой мировой, особенно в преддверии юбилея, благодаря которому поднимается пласт не востребовавшийся до сих пор научной литературы, и прежде всего мемуарной.

Предлагаемые воспоминания принадлежат офицеру 155-го пехотного Кубинского полка, начальнику пулеметной команды Валентину Людвиговичу Левицкому. Они посвящены событиям не на широко известном Восточноевропейском театре военных действий, а на «второстепенном» – Кавказском, где в тяжелых условиях русские войска вновь повторили подвиг своих предков периода прошлых войн против Турции.

Биография автора мемуаров известна далеко не полностью, более или менее до лета 1917 года, благодаря сохранившемуся в отечественном военном архиве послужному списку.¹

Левицкий родился 14/26 августа 1888 года в Тифлисской губернии, в семье надворного советника, православный. Окончил полный курс Тифлисской 2-й мужской гимназии.

Согласно поданному прошению, зачислен 8/21 сентября 1909 года в 1-й специальный класс Тифлисского пехотного юнкерского училища (с сентября 1910 года – Тифлиское великого князя Михаила Николаевича военное училище) юнкером рядового звания. По окончании курса наук по 1-му (высшему) разряду в силу высочайшего приказа выпущен 6/19 августа 1911 года подпоручиком в 155-й пехотный Кубинский полк, в котором прослужит вплоть до развала армии.

7/20 сентября 1911 года Левицкий прибыл в полк и был зачислен младшим офицером. В 1912 году исполнял должность временного командующего 1-й роты, с 18 сентября/1 октября 1913 года вошел в штат пулеметной команды. Затем служил младшим офицером 5-й роты запасных нижних чинов, отбывавших учебный сбор при полку, заведовал офицерским собранием. С 10/23 января по 15/28 февраля 1914 года временно исполнял должность начальника пулеметной команды.

Хотя в послужном списке присутствует запись о назначении Левицкого начальником пулеметной команды «на законном основании» 20 октября/2 ноября 1914 года, в воспоминаниях он свидетельствует, что вступил в войну уже начальником пулеметной команды. За выслугу лет 20 ноября/3 декабря 1914 года получил чин поручика. В бою 30 декабря 1914 года/13 января 1915 года получил ранение, убыл на лечение, вернулся 16/29 марта 1915 года. По высочайшему приказу от 16/29 февраля 1916 года был произведен в чин штабс-капитана.

¹ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 409. П/сп. 113–735а. Л. 225–232об.

В октябре/ноябре 1916 года временно командовал 3-м батальоном. 19 января/1 февраля 1917 года произведен в чин капитана. В августе/сентябре 1917 года временно командовал 2-м батальоном.

Будучи человеком скромным, автор ни разу не сказал о награждении его боевыми орденами «за отличия, оказанные в делах против турок», о чем нам рассказал тот же послужной список: орден Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» (приказом по Кавказской армии от 13/26 февраля 1915 года), Св. Станислава 3-й степени с мечом и бантом (приказом по Кавказской армии от 21 мая/3 июня 1915 года), Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом (приказом по Кавказской армии от 11/24 июня 1915 года), Св. Станислава 2-й степени с мечами (приказом по Кавказской армии от 2/15 октября 1915 года, утверждено высочайшим приказом от 25 декабря 1916 года/6 января 1917 года), Св. Анны 2-й степени с мечами (приказом по Кавказской армии от 21 мая/3 июня 1916 года). Кроме того, Левицкий являлся кавалером светло-бронзовой медали в память 300-летия царствования Романовых (21 февраля/6 марта 1913 года).

К моменту составления послужного списка (1917) женат не был.

Дальнейшая судьба Левицкого, а также обстоятельства, дата смерти и место захоронения неизвестны. По крайней мере, к октябрю 1932 года 44-летний Левицкий проживал в Югославии. Судя по возрасту, он мог пережить Вторую мировую войну.

Цель написания воспоминаний автор четко изложил во вступлении: «Итак, мой труд есть не летопись, не история, а лишь мои личные воспоминания о боевой деятельности 155-го пехотного Кубинского полка, одного из полков славной Кавказской армии, в котором я имел честь служить включительно до последних дней его существования».

Мемуары написаны в высшей степени занимательно, увлекательно и достаточно необычны. Автор, несомненно, обладая литературным даром, изобразил не только военные события, но и много полезных деталей военного быта, собственного отношения к войне, героические подвиги и славную смерть одних сослуживцев, неблагоприятные поступки других, географические описания различных участков Кавказского театра военных действий, фамилии и привычки начальников, однополчан, психологические групповые и индивидуальные зарисовки, жизнь и настроения тыла и передовой. Здесь и бесхитростные размышления о прошлом и будущем, о патриотизме, и разнообразные мечтания и душевные переживания человека на войне, и ощущения от участия в первом бою, и боль от потери друзей и соратников, и мысли о Февральской революции и ее последствиях, порой не всегда логичные. Удачное сочетание прямой речи и повествовательного характера дополняет положительное восприятие произведения. С другой стороны, нельзя забывать, что Левицкий не литератор и не писатель, поэтому допускал определенные стилистические ошибки, несколько отягощающие прочтение текста, но ни в коей мере не нарушающие логического и стройного повествования.

Таким образом, воспоминания Левицкого должны занять достойное место на книжных полках, в списках научных работ и библиографических обзорах.

Стиль мемуаров максимально сохранен, за исключением незначительной литературной правки.

М. К. Чиняков, кандидат исторических наук

ВСТУПЛЕНИЕ

Я слишком далек от того, чтобы претендовать на ценность своего труда и на его какое-либо большое значение. Описать всесторонне события, а также боевую работу войсковой части в минувшую Великую войну, хотя бы и в рамках действительности, но на основании одних лишь впечатлений, – задача невозможная. Такой труд чреват будет большими пробелами, неясностями и т. п.

Всякая работа в области истории тогда лишь приобретает значение, когда она основана, помимо личных впечатлений, на всестороннем изучении фактов, при наличии к тому же всевозможных документов.

К сожалению, у меня всех этих данных в настоящий момент не имеется. Все то, что я и мои боевые товарищи когда-то так бережно собирали, записывали, – все пропало бесследно за время Гражданской войны.

Итак, мой труд есть не летопись, не история, а лишь мои личные воспоминания о боевой деятельности 155-го пехотного Кубинского полка, одного из полков славной Кавказской армии, в котором я имел честь служить включительно до последних дней его существования.

Глубоко веря в восстановление былой славы российской армии и ее традиций, я пишу свои воспоминания в надежде, что они могут оказаться полезными тому, кому представится возможность запечатлеть былую славу Кавказских полков на страницах истории. В память прошлого, в назидание грядущему – имя 155-го пехотного Кубинского полка должно занять себе достойное место в летописи Кавказской армии.

В интересах абсолютной точности, считаю долгом подчеркнуть, что я в воспоминаниях буду касаться только тех событий, в которых я сам принимал участие как рядовой офицер. Только один период боев, а именно с 20 декабря 1915 года по 11 января 1916 года, мной будет описан со слов других, так как я в это время отсутствовал в части.

Допускаю, что в изложенных мной событиях окажутся некоторые неточности в датах, но пишущему историю, при наличии других документов, легко будет исправить эти недочеты.

Кроме того, считаю нелишним изложить некоторые сведения о службе полка до начала Великой войны. Эти сведения, которые я в свое время почерпнул из документов полковой библиотеки, будут весьма кратки и, возможно, в то же время и единственны, так как, по имеющимся данным, весь хранившийся материал был уничтожен за печальные дни революции.

Загреб, Югославия, 19 октября 1932 года

Краткие сведения о службе полка со дня его формирования до начала войны 1914–1917 годов

155-й пехотный Кубинский полк был сформирован в царствование императора Александра II в 1863 году в период разворачивания новых полевых дивизий. На укомплектование этих новых дивизий пошли различные в то время резервные, запасные и отдельные линейные батальоны. На укомплектование Кубинского полка пошли Крымский, Севастопольский и Ставропольский резервные батальоны (один из них запасный). Эти части раньше несли гарнизонную службу в пределах Северного Кавказа и, в свою очередь, пополняли полевые части, действующие против горцев. Местом формирования полка была станица Баракаевская Майкопского отдела Кубанской области. В том же году полку было пожаловано знамя и утвержден полковой праздник в честь святого великомученика Георгия Победоносца (26 ноября). Первым командиром полка был назначен полковник Ильич.

По сформировании полк пошел третьим полком в состав 39-й пехотной дивизии. Вначале полк был трехбатальонного состава, причем каждый батальон состоял из пяти рот (пятые роты назывались стрелковыми). Впоследствии пятые роты были расформированы, но полкам были приданы четвертые батальоны. На формирование 4-го батальона Кубинского полка вошел 24-й линейный батальон. Последний имел в прошлом большую боевую службу, и все его отличия (знаки на фуражках и особый барабанный бой за поход на Эривань) были присвоены 4-м батальоном.

По окончании формирования полк первоначально нес службу на Северном Кавказе, а затем был переведен в Закавказье. Здесь полк в продолжение нескольких лет принимает участие в работах по оборудованию и по устройству военно-шоссейных дорог, и только незадолго до войны 1877–1878 годов был поставлен на постоянную стоянку в местечко Джелал-Оглы Тифлисской губернии.

Перед началом военных действий против Турции 1877–1878 годов полк, вместе с другими частями дивизии, был сосредоточен в городе Александрополе непосредственно у границы (река Арпачай).

С объявлением войны полк, перейдя границу, двинулся к крепости Карс, овладение которой входило в число первых задач нашей армии. Однако овладение крепостью быстрым ударом не увенчалось успехом. Помимо своих природных достоинств, крепость была снабжена отличными средствами борьбы при наличии к тому же большого гарнизона. Нашей армии пришлось повести длительную и трудную осаду, ведя непрерывную борьбу с вылазками противника. В одной из крупных вылазок, где противник имел намерение, прорвав наши линии, соединиться с армией, подходившей из Эрзерума, Кубинскому полку пришлось принять на себя главный удар. Это было первое лихое дело кубинцев, где особенную доблесть проявила первая рота.

Получив жестокий удар, противник принужден был отказаться от своего намерения.

Однако общая обстановка на всем театре в то время слагалась для нас неблагоприятно. Дело в том, что блокада крепости отвлекла слишком много сил с фронта, чем развязаны были руки у турецкого командования. Результаты не замедлили сказаться. Противник на всех направлениях перешел в наступление, угрожая нам глубоким обходом левого фланга, прорывом в центре и даже самой операции у крепости Карс. Тогда наше командование, ввиду ограниченности наших сил, решило в ущерб блокаде снять по возможности больше частей из-под Карса и бросить их в направлении приближавшегося противника.

Кубинскому полку было приказано двинуться в направлении Зерских высот, прикрывающих один из важных перевалов Агрыдагского хребта. Совершив назначенный марш в несколько переходов, полк с боем овладел высотами, отбросив противника в Алашкертскую

долину. В то же самое время части Эриванского отряда энергичными действиями ликвидировали угрозу нашему левому флангу, а в Эрзерумском направлении после кровавых и упорных боев активность противника была окончательно сломлена. К октябрю линия нашего фронта продвинулась в глубь Турецкой империи, заняв Пассинскую и Алашкертскую долины. Кубинский полк по выполнению своей задачи на Зорском перевале был переброшен на Эрзерумское направление для присоединения к своей дивизии. Здесь полк принимает участие в штурме укрепленной позиции Деве-Бойну, защищающей крепость Эрзерум с восточной стороны. Атака была произведена с рассветом 23 октября, причем кубинцам было дано направление на форт Узун-Ахмет. После трехчасового боя форт был взят. Вслед за падением Деве-Бойну и ближайших к ней крепостных фортов судьба крепости Эрзерума была решена.

Вскоре после падения Карса был заключен мир, по которому Россия приобрела большую площадь турецкой территории, прилегающей к Закавказью, вместе с крепостью Карс. За отличия в делах против неприятеля в войну 1877–1878 годов полк был награжден четырьмя Георгиевскими знаменами и двумя серебряными трубами (с надписью «За Деве-Бойну»).

Из офицерского состава орденом Святого Георгия были пожалованы командир полка князь Ашираджиби, поручики Микеладзе и Магалов.

За Русско-японскую войну 8-я рота Кубинского полка была в составе Свободного батальона 34-й дивизии и отправлена на Дальний Восток. Рота участвовала в нескольких боях. Ее командир капитан Шимановский был награжден орденом Святого Георгия. По окончании войны рота вернулась в полк.

Потери полка исчислялись за всю войну около 100 человек убитыми и около 300 ранеными. Особенную убыль в личном составе понес полк от эпидемии тифа – эта цифра к концу войны достигла более 900 человек.

После войны полк простоял, за исключением нескольких кратковременных командировок, около 25 лет в крепости Карс.

За несколько (8–9) лет до Великой войны полк был переведен в местечко Сарыкамыш Карской области в 25–30 верстах от границы. Вся 39-я дивизия содержалась в усиленно-мирном составе. Причем срок Сарыкамышского гарнизона назначен был восьмичасовым, а для всей дивизии трехдневным.

Часть I

Начало войны и ее первый период с 19 октября до первых чисел ноября 1914 года: Кеприкейская операция

Обстановка перед войной

Еще за несколько лет до начала Великой войны можно было предположить о каких-то грядущих крупных событиях. Частые поверочные мобилизации, задержка увольняемых в запас, призыв запасных на повторные сборы хотя и не вносили существенных перемен в полковую жизнь, но все же были характерны.

Надо заметить, что местечко Сарыкамыш принадлежало к числу так называемых глухих стоянок, а продолжительная и суровая зима часто отрывала его от остального света. Но зато летом Сарыкамыш оживал: сначала дивизионные, затем корпусные и подвижные сборы меняли однообразную жизнь до начала осени.

То же самое ожидалось и в 1914 году. Но вдруг прогремел сараевский выстрел,² и с этим звуком все насторожилось. Несомненно, события были не за горами, но время и масштаб их трудно было определить. 15 августа (старый стиль) спешно были вызваны в Тифлис офицеры Генерального штаба, прибывшие несколько дней тому назад в Сарыкамыш для полевой поездки, и, кроме того, было приказано всем частям, направляющимся на подвижные сборы, вернуться в свои штаб-квартиры.

В ночь с 16 на 17 августа (в два часа ночи) командир полка полковник Волошин-Петриченко³ вызвал офицеров в полковую канцелярию и объявил приказ о начале мобилизации. Через день нам стало известно, что мобилизация объявлена общей, то есть на всю Российскую империю, а еще через день мы узнали, что Германия считает себя с Россией в состоянии войны.⁴ Приведя себя в полную боевую готовность, полки (Кубинский и Елисаветпольский)⁵ должны были оставаться на местах и ждать дальнейших распоряжений.

События разрастались все дальше и дальше. Нам стало известно о выступлении против нас Австро-Венгрии, а также о выступлении Франции и Англии против центральных держав. Наша соседка Турция пока оставалась нейтральной, но она также была на положении мобилизации, и столкновение с ней было лишь вопросом ближайшего времени.

Какими же силами располагали мы и наш будущий противник, то есть Турция? В распоряжении Кавказского военного округа имелось три корпуса (1, 2 и 3-й Кавказские корпуса), которые по мобилизации должны были выделить кадры на формирования 4-го корпуса. Эти корпуса на случай военных действий с Турцией предназначались, так сказать, для первоначальных операций. Несомненно, что решающий ход в событиях должны были сыграть корпуса, имеющиеся подойти с юга и из центра России. План войны с Турцией был у нас чисто актив-

² Имеется в виду ставшее поводом для начала Первой мировой войны (Великой войны) убийство 15/28 июня 1914 г. наследника престола Австро-Венгрии эрцгерцога Фердинанда (с супругой) 19-летним сербом, студентом из Боснии Гаврилой Принципом (1894–1918), являвшимся одним из членов националистической организации «Молодая Босния».

³ *Волошин-Петриченко* Федор Моисеевич (1860–?), командир Кубинского полка (с 4/17 декабря 1913 г.); генерал-майор (с 06/19 декабря 1915 г.).

⁴ Объявленная в ночь с 16/29 на 17/30 июля мобилизация являлась частичной, касаясь только Киевского, Одесского, Московского и Казанского военных округов, не затрагивая даже флот. Днем 17/30 июля император Николай II подписал указ об общей мобилизации.

⁵ Оба полка входили во 2-ю бригаду 39-й пехотной дивизии 1-го Кавказского армейского корпуса.

ного характера, то есть продвижение в глубь страны неприятеля с целью захвата его важных стратегических пунктов.

Что же касается Турции, то она располагала в ближайших к нам вилайетах тремя корпусами (9, 10 и 11-й). В сравнительно небольшой срок эти силы могли быть удвоены, а в дальнейшем мы должны были рассчитывать иметь против себя до девяти корпусов. Конечно, этими корпусами все силы турок не исчерпывались, так как призванные низам и редиф (запас и ополчения)⁶ значительно бы увеличили еще численность их войск.

Словом, по предположению нашего командования, турецкая армия хотя и не принадлежала к числу первоклассных армий, но с ее силами во всяком случае пришлось бы нам считаться, и даже очень.

Однако с началом Великой войны обстановка как для нас, так и для турок резко меняется. Из трех корпусов, находящихся в распоряжении Кавказского военного округа, 2-й и 3-й корпуса, согласно плану, на случай войны с Германией были переброшены на Западный фронт.⁷ Таким образом, на Кавказе оставались лишь 1-й корпус и формируемый 4-й, на готовность которого нельзя было рассчитывать в первое время. Кроме того, спустя месяц на Кавказ (в район Тифлиса) прибыл Туркестанский корпус, но он по численности равнялся меньше дивизии и также требовал срока для разворачивания.⁸

В свою очередь, будущий противник также должен был считаться с выделением части сил в район Багдада и к берегам Дарданелл.

При всей этой новой обстановке, создавшейся для обеих сторон, Турция к началу военных действий располагала против нас значительным превосходством сил, так что наше командование вынуждено было принять, хотя бы на первое время, строго оборонительный план.

* * *

Считаю не лишним, прежде чем приступить к изложению боевых действий полка, дать хотя бы в кратких чертах сведения о топографии и о свойствах Кавказского театра военных действий, так как читателю трудно будет без этих данных разобраться в ходе событий.

Представим себе к югу от главного Кавказского хребта ряд параллельно идущих хребтов, носящих общее название Малого Кавказа. Эти хребты местами пересекаются поперечными хребтами (идущими с севера на юг), деля Закавказье как бы на ряд участков. Наконец, в приграничной полосе, служащей естественной границей между Россией и Турцией, на протяжении более полутораста верст лежал последний хребет.

Части этого хребта в различных местах носили различные названия. Так, начиная от берегов Черного моря и на протяжении около 40 верст район этого хребта назывался Аджарским или Чорохским краем. Средняя часть хребта около 60 верст носила название Соганлуга. Наконец, левая часть его, резко меняющая направление на восток, включительно до малого Арарата, на протяжении около 80 верст, называлась Агрыдагским хребтом. Малый Арарат был пограничной точкой трех государств: России, Турции и Персии. Естественно, что в случае войны между Россией и Турцией районы этих хребтов должны были на случай наступления противника стать первоначальной ареной борьбы. Рассмотрим каждый из районов в отдельности.

⁶ Постоянная армия Османской империи в описываемый период делилась на низам (действующая армия) и редиф (резервные войска).

⁷ Здесь и далее речь часто идет не о Западно-Европейском фронте, а о фронтах, располагающихся западнее Кавказского фронта: Северо-Западном (с 1915 г. Северный и Западный), Юго-Западном и Румынском.

⁸ Речь идет о 2-м Туркестанском армейском корпусе. 1-й Туркестанский корпус участвовал в боевых операциях на Северо-Западном, Западном и Юго-Западном фронтах.

Аджарский район (Аджария), или, как больше всего его называли, Чорохский край (по реке Чороху), представлял очень пересеченную, лесистую и малопроезжимую местность. Этот сложный горный лабиринт отличался малонаселенностью и бездорожьем (кроме нескольких выючных дорог). Действия войсками допускались лишь малыми отрядами и в большинстве случаев без артиллерии.

В силу этих обстоятельств Чорохский край не мог играть в стратегическом смысле крупной роли и важен был лишь постольку, поскольку он прикрывал собой доступ в долину реки Риони (Кутаисская губерния).

Самым важным районом у нас считался Сoganлугский. Он прикрывал кратчайшие пути к такому важному для нас центру, как Тифлис. Удобство дорог, а также наличие железной дороги допускало возможность вести военные операции большими силами. Условия местности, ее топографические особенности вместе с крепостью Карс позволяли нам создать ряд сильных оборонительных линий (Соганлуг, Ала-Джа Гаргская плата, Мокрые горы⁹). Кроме того, из этого района вело два коротких и удобных направления к крепости Эрзеруму (Эрзерумское и Ольгинское).

Наконец, район Агрыдагского хребта, доступный для действия войск лишь местами (Чингильский, Зорский и Каравансарайский перевалы), прикрывал наш левый фланг (Эриванская губерния). Операционные пути к нему не представлялись выгодными противнику (вследствие флангового их положения и удаленности их от базы), но в то же время они были для него заманчивыми. Умелыми и энергичными действиями противник легко мог создать угрозу нашему тылу (Эриванская губерния, Елизаветпольская губерния и Бакинская губерния).

Какими же свойствами обладала часть турецкой территории, прилегающей к нашей границе? Ввиду ее особой разнохарактерности в военно-географическом отношении она была разделена на ряд участков, так называемых направлений.

Непосредственно к Чорохскому краю примыкала большая турецкая провинция, называемая Лазистан. Местность этого края по своим свойствам очень похожа на нашу Аджарию. Лазистан так же малопроезжим и малонаселен, как и Чорохский край. Рельеф его так пересечен, так сложен, что почти не поддается систематизации, и только далеко в глубине страны можно обнаружить ряд хребтов, идущих большей частью с востока на запад. За отсутствием каких-либо дорог, удобных для войск, военные действия в этом крае возможны были лишь малыми отрядами, и поэтому это направление считалось нами невыгодным. Единственный путь был достоин внимания – это путь по берегу моря к морской базе Турции к Трапезунду (Приморское направление).

Несомненно, самым важным направлением для нас было Эрзерумское. Оно было кратчайшим и удобнейшим путем к такому важному стратегическому центру, как крепость Эрзерум. Путь к Эрзеруму пролегал по плодородной и хорошо населенной Пассинской долине, что допускало сосредоточение линий крупных сил. Но в то же время это направление, в смысле ведения операции, считалось самым трудным, так как нам предстояло преодолеть ряд препятствий в виде таких серьезных оборонительных линий, как Зивин, Кепри-кей, Гасенг-Кала¹⁰ и Деве-Бойну.

Что касается турецкой территории, расположенной у Агрыдага, так называемого Эриванского направления, то путь к ней хотя и был самым длинным, но в то же время выводил нас в очень богатые долины (Алийскертскую и Ванскую¹¹). Кроме того, выходом в эти долины мы составляли угрозу правому флангу турецкой армии.

⁹ Мокрые горы – Джавахетский (Джавахкский или Кечутский) горный хребет.

¹⁰ Скорее всего, речь идет об укреплениях при селении Гасан-Кала (Хасан-кала), перед Эрзерумом.

¹¹ Скорее всего, речь идет об Алашкертской долине. Под Ванской долиной, наверное, автор подразумевал направление движения у о. Ван, так как Ванской долины не существует.

Таким образом, в предстоявших военных действиях главную роль для нас должны были играть при наступлении Эрзерумское направление с крепостью Эрзерум, а при обороне Соганлуг с крепостью Карс. Отсюда понятно, что первой задачей, возложенной на наши передовые части, было зорко следить за противником и охранять подступы к важнейшим для нас позициям на Соганлуге – так называемым Хорумдагским высотам.

* * *

Уже с началом сентября к нам стали поступать сведения о лихорадочной подготовке турок к войне. Они усилили пограничные части особыми пограничными батальонами, увеличили число постов вдоль границы и провели целый ряд инженерных работ по укреплению местности. Агентурная разведка точно указывала на начавшуюся группировку трех корпусов в районе крепости Эрзерума. Ввиду этого с нашей стороны также были приняты соответствующие меры.

В Сарыкамыш был вытребован 2-й дивизион 39-й артиллерийской бригады, а кроме того, в окрестностях его сосредоточилось три полка 1-й Кавказской казачьей дивизии. Всего вместе с пехотой было 8 батальонов и 18 сотен при 36 орудиях.

Эта группа войск получила название головного отряда 1-го Кавказского армейского корпуса, на который возлагалась задача прикрыть Соганлуг для сосредоточения на нем всего корпуса.

Если местное население в приграничных наших районах не делало против нас никаких вооруженных выступлений, то все же граница не считалась спокойной. Дело в том, что границу стали часто переходить с целью грабежей вооруженные курдские шайки. Эти шайки были не что иное, как отряды курдской конницы, называемые Гамийскими, под руководством турецких офицеров.

Тогда для оказания помощи нашей пограничной страже был выслан в район Кара-ургана, у самой границы, отряд (четыре роты, одна сотня¹² при двух горных орудиях). Помимо несения сторожевой службы части этого отряда имели не раз столкновения с курдами.

Для непосредственного же охранения всего головного отряда высылался в сторону границы к станции Соганлугской один батальон при четырех пулеметах и четырех орудиях.

Подобная обстановка и расположение частей головного отряда оставались без существенных изменений до 16 октября (старый стиль). В этот день к вечеру нам стало известно, что турецкий флот обстрелял наши черноморские порты. Конечно, этим действием турками был брошен нам вызов к войне. Частям приказано быть настороже и в полной боевой готовности. В ночь на 20 октября частям был прочитан приказ о вступлении России в войну с Турцией.¹³

Лично я, в качестве начальника пулеметной команды,¹⁴ находился в Кара-ургане при 2-м батальоне.

Помню, как вечером 19 октября, около 10 часов вернувшись после проверки постов к себе на квартиру, я был вызван к начальнику отряда полковнику Трескину.¹⁵

Когда я явился к нему вместе с командирами 5-й и 6-й рот (капитаны Кониев и Целярицкий), то нам была прочитана телефонограмма начальника головного отряда генерал-лей-

¹² Сотня – тактическая (и административная) единица в казачьих частях. Соответствовала приблизительно эскадрону регулярной кавалерии.

¹³ Турция объявила войну России 19 октября/1 ноября 1914 г.

¹⁴ Команда – отряд, небольшое штатное воинское подразделение. Пулеметная команда пехотного полка к 1914 г. включала 4 взвода по два пулемета, всего 8 пулеметов. К концу войны количество пулеметных команд в составе полка увеличилось.

¹⁵ Трескин Александр Капитонович (1865–1916), полковник (1912), командир 23-го Туркестанского стрелкового полка (1915–1916); исключен в марте 1916 г. из списков убитым в бою на Кавказском фронте; после смерти, в июле 1916 г., произведен в чин генерал-майора.

тенанта Баратова¹⁶ о начале военных действий. Ввиду непосредственной близости противника полковник Трескин приказал ротам при соблюдении полной осторожности сняться с постов, свернуться и на основании приказа двинуться к станции¹⁷ Соганлугской для соединения с частями, выступившими из Сарыкамыша. Когда роты и пулеметы готовы были уже к выступлению, нам было приказано, в отмену первых распоряжений, остаться на месте, выждать подхода 7-й и 8-й рот и двух горных орудий 20-й артиллерийской бригады и с рассветом атаковать Кетак, после чего повести наступление на Зивинские высоты, расположенные к западу от села в 7–8 верстах. К сожалению, ожидаемые роты, боясь выдать свое движение по шоссе (последнее местами проходило непосредственно у границы), пошли окольными путями и сильно запоздали. Атаку пришлось отложить часа на полтора позже. Расположив роты западнее села Караурган и дав инструкции артиллерии, полковник Трескин дал знак о начале атаки.

Раздался первый боевой выстрел, глухим эхом отозвавшись по ущелью. Вслед за этим стали выходить цепи из-за холмов. Опешившие турецкие часовые бросились бежать. Роты ворвались в село, захватив расположившуюся там роту врасплох. Дело в каких-нибудь 20 минут было кончено. Случайно выскочившие аскеры (турецкие солдаты) пытались было за мостом оказать сопротивление, но они были тотчас сметены пулеметным огнем. Потерь с нашей стороны не было. Не замедли мы наш удар, нам бы пришлось труднее, так как турки умеют упорно и хорошо обороняться.

Первой жертвой нашего огня был сам командир турецкой роты, молодой офицер, часто бывавший у нас в качестве гостя и не раз приглашавший нас к себе. Противник, но его смерть во многих из нас вызвала сожаление. Проходя мост, я среди убитых солдат увидел несколько трупов местных жителей и даже между ними одну женщину. Это были жертвы пулеметного огня, открытого мною, – печальное, но неизбежное явление на войне в борьбе за населенные пункты.

После взятия Кетака отряд, к которому присоединились две роты пограничников (снятых с постов и свернутых в роты) и сотня казаков (княжения Уманского полка), двинулся в направлении к Зивинским высотам. По имевшимся сведениям, Зивинские высоты занимались тремя ротами противника.

Зивинские позиции хорошо были знакомы нашей армии по прошлым войнам. Упираясь флангами в малопроходимые (скалистые и крутые) овраги, они с фронта представляли собой ряд прекрасных оборонительных линий. Конечно, при нашем наступлении, ввиду близости их к нашей границе, турки не могли использовать эти отличные позиции в должной степени.

Часам к одиннадцати отряд поднялся на перевал. Перед нами в 4–5 верстах лежали Зивинские высоты, занятые противником. Их окопы тянулись приблизительно версты на две, начиная от горы Хорум-Даг (Турецкая) до горы Кавах-Тапа. Обе высоты, упираясь в глубокие овраги, обеспечивали фланги позиции от обходов. Развернувшись в боевой порядок, отряд перешел в наступление.

Спустя полчаса мы вступили в сферу огня. Появились раненые. Пройдя с версту, фланговые дозоры правофланговой роты (6-й) были обстреляны на расстоянии около тысячи шагов почти в тыл. Заметив это, командир казачьей сотни, следовавший уступом за 6-й ротой, развернул сотню вправо и огнем отогнал небольшую партию противника. Когда же сотня для полной безопасности нашего правого фланга продвинулась еще немного вперед, то она была

¹⁶ Баратов Николай Николаевич (1865–1932), генерал-майор (1906), генерал-лейтенант (1912); начальник 1-й Кавказской казачьей дивизии (1912–1915), с которой вступил в войну. Кавалер ордена Св. Георгия 4-й ст. (1916). Командующий отдельным экспедиционным корпусом в Персии (1915–1917), с февраля ставшим 1-м Кавказским кавалерийским корпусом. Командир 5-го Кавказского армейского корпуса (апрель–май 1917 г.), находившегося в составе Кавказской армии. Командующий Кавказским кавалерийским корпусом в Персии (май 1917 г. – июнь 1918 г.). Участник Белого движения. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев де Буа (Париж, Франция).

¹⁷ Вероятно, здесь и далее речь идет о станции.

встречена сильным огнем. Все высоты перед сотней были заняты, как впоследствии выяснилось, курдами. Не имея возможности по условиям местности атаковать их в конном строю, сотня ограничилась лишь перестрелкой. Эта неожиданно создавшаяся обстановка отразилась на движении нашего отряда. Роты принуждены были остановиться и ждать, пока правый их фланг не будет обеспечен. Тогда полковник Трескин приказал резервной роте (8-й) с двумя пулеметами двинуться на участок казаков и как можно скорее отогнать курдов. Подойдя к нужному месту, рота перешла в наступление и за полчаса выбила противника. Только после этого представилась возможность двигаться дальше. В четвертом часу цепи были в 700–800 шагах от неприятельских окопов. Встретив сильным огнем перешедшие в атаку роты, полковник, не приняв штыкового удара, обратился в бегство. Вследствие наступивших сумерек, противник нами не преследовался. Потери наши были два офицера (убит капитан Целярицкий) и 53 нижних чина (11 человек убитых).

К 6 часам вечера к месту боя подошел весь полк, который заночевал на высоте Кавах-Тапа, выставив охранение у села Хорум, в направлении Занзаха.

21 октября вечером полк двинулся в Занзах и, пройдя его, к рассвету 22-го занял позиции западнее села Ардос, войдя при этом налево в связь с бакинцами, а вправо с 80-м Кабардинским (20-й дивизии) полком. К 23 октября вся 39-я дивизия (153, 154, 155 и 156-й полки) занимала так называемые Ардосские позиции от левого берега Аракса до Саномерского оврага в следующем порядке. На правом фланге кубинцы¹⁸ (селение Ардос), в центре бакинцы, на левом до Аракса елизаветпольцы. В резерве стояли дербентцы¹⁹ у селения Занзах, где находился также штаб дивизии. Полкам было приказано окопаться, оборудовать позиции и ждать противника.

* * *

Сведения о полку сообщались нам весьма разноречивые. Так, к вечеру 22 октября нам сообщили о движении в сторону нас двух полков неприятельской пехоты с артиллерией, а 23-го пополудни это было опровергнуто.

К вечеру 23 октября был получен приказ с рассветом частям дивизии выступить в поход на Кепри-кей, причем в сведениях о противнике указывалось на полное отсутствие такового, за исключением мелких его партий.

С рассветом полки снялись с позиции и двинулись тремя колоннами на Кепри-кей. К сожалению, я не могу припомнить в точности порядок движения колонн. Помнится то, что Кубинский полк шел в средней колонне, держа связь влево с бакинцами. Около 12 часов полк встал на большой привал у одной небольшой деревни, где вновь было сообщено нам, что противника в районе Кепри-кея нет и что малые части его под давлением нашей конной разведки отошли за Кеприкейский мост. После первого часа полк продолжал движение со всеми мерами охранения. Около 3 часов влево от нас послышалась стрельба, вначале ружейная, затем пулеметная и оружейная. Это бакинцы, следующие от нас влево и уступом вперед, ввязались в бой. Огонь увеличивался и, судя по стрельбе, можно было определить, что дело идет не о мелких частях противника.

Полк перестроился в резервный порядок и остановился в ложине. Недалеко от нас влево стоял штаб дивизии, а еще левее его 5-я батарея (подполковника Захаревича), готовая к бою. Минут через двадцать нам стало известно, что все Кеприкейские высоты заняты противником,

¹⁸ Здесь и далее речь идет об офицерских и нижних чинах полка. Соответственно, при употреблении названий «дербентцы» имеются в виду офицерские и нижние чины этого полка; туркестанцы – чины, проходящие службу в туркестанских частях и т. д.

¹⁹ Речь идет о 154-м Дербентском пехотном полку. Вместе с 153-м пехотным Бакинским полком входил в состав 1-й бригады 39-й пехотной дивизии 1-го Кавказского армейского корпуса.

и вслед за этим из штаба дивизии прибыло приказание полку перейти в наступление на участке 2–2,5 верст. Развернувшись в боевой порядок, полк двинулся вперед. Я, выделив четыре пулемета в боевую линию, с остальными (четырьмя) пулеметами двигался в резерве. Пройдя с версту, полк попал в сферу артиллерийского огня.

Припоминаю первые переживания под шрапнельными разрывами. Снаряды ложились то слишком высоко, то низко, давая большой процент клевков. Меня даже удивило, когда один снаряд, по всей вероятности граната, взорвавшись под колесами двуколки²⁰ с патронами, опрокинул ее вместе с лошадью и возницей, не причинив им никакого вреда, кроме легких ушибов. Молчавшие до того люди²¹ повеселели, разболтались и даже начали острить.

Но вдруг я услышал за собой оглушительный взрыв. Обернувшись инстинктивно назад, я увидел шагах в 75–100 несколько упавших солдат и бегущих к ним санитаров.

Через несколько секунд опять такой же взрыв, за ним другой – и опять жертвы. Шедший в стороне от меня штабс-капитан Орлов (Тифлисского гренадерского полка, прикомандированного к нам в качестве переводчика) почему-то присел и стал о чем-то кричать. Подбежав к нему, я не мог понять его невнятных слов и, не имея времени, оставил его на попечение санитаров. Только впоследствии я узнал, что этот бедный офицер был контужен в голову и лишился рассудка.²²

Подобные капризы артиллерийского огня приходилось наблюдать и в дальнейшем, когда из сотни безобидных разрывов два или три наносили большой урон. Однако бой разгорался, цепи, попав под ружейный огонь, завязали перестрелку. Сильно пересеченная местность препятствовала скорости движения и нарушала связь. Особенно трудно пришлось пулеметчикам – им было тяжело маневрировать и поспевать с тяжелыми станковыми пулеметами за бегущими цепями. Перевозку на катках, цилиндры и лямки – все пришлось бросить и забыть навсегда. Единственный способ, которым нам пришлось воспользоваться, – это переносной пулемет в расставленном виде. Непрактичность для горной войны устройства материальной части пулеметных команд не замедлила сказаться на боевой практике. С наступлением сумерек огонь прекратился, за исключением левого фланга. Полк остановился шагах в 1500–2000 от противника.

Отдав некоторые распоряжения своему фельдфебелю, я отправился к штабу полка. Командир полка диктовал донесение в штаб дивизии. Он указывал, что ввиду наступивших сумерек, отсутствия какой-либо связи по фронту и в глубину он не решился с места атаковать противника и считал возможным это сделать через несколько часов.

По-видимому, опасаясь за свой левый участок, командир полка приказал мне отправиться на левый фланг полка, где, установив по возможности связь с соседним полком, я должен был применить пулеметы сообразно обстановке. Затем, указав при свете потайного фонаря по карте приблизительное положение фланговой роты (номер роты не помню), пожелал мне это сделать возможно скорее, но с осторожностью – ввиду близости полка. Когда я выступил с командой, было уже совсем темно.

Я двигался без дороги, как говорится, напрямки, и, по моим предположениям, должен был минут за сорок быть на месте. Пройдя, как мне казалось, должное расстояние, я остановился, выслав вперед и в стороны дозоры, чтобы найти искомую роту. Через некоторое время люди вернулись ни с чем. Думая, что слишком свернул в сторону, я переменял свое направление под прямым углом. Однако, пройдя вперед приблизительно с версту, я опять не нашел

²⁰ *Двуколка* – одноконная двухколесная повозка. Существовали, например, патронная и санитарная двуколки. Подходила для перевозки тяжестей в гористой местности и по топким дорогам.

²¹ Обиходное название солдат.

²² По дополнительным сведениям, штабс-капитан Орлов после нескольких месяцев лечения окончательно выздоровел и был отправлен во Францию.

перед собой никого. У меня возникли предположения, что я нахожусь или в прорыве между своими, или же впереди прорыва непосредственно перед противником.

Кругом темнота, ни огонька, ни выстрела, и только отдаленный огонь на левом фланге бакинцев давал некоторую возможность ориентировки. Не желая подвергнуться неожиданному огню противника, а может быть, и своих, и боясь окончательно переутомить людей и лошадей, я решил остановиться и ждать рассвета.

Трудно мне сейчас передать то убийственное настроение, которое я испытывал в ту ночь. Мне кажется, что таких тяжелых переживаний у меня не было за всю войну. Полная неизвестность, сознание невыполненного приказа – все это меня беспокоило, но в то же время требовалось и какое-то решение.

Выслав дозоры вперед для охраны, я послал в то же время двух верховых в тыл, чтобы найти какую-нибудь дорогу, и тогда по ней рассчитывал хотя приблизительно узнать свое местоположение. Прошел час с лишним томительного ожидания. Наконец послышался конский топот. Прибывшие сообщили, что дорога находится внизу в верстах двух и что по ней прошли два батальона елизаветпольцев куда-то влево, кажется, к бакинцам. Про полк слышали, что он куда-то пошел, но куда именно, они узнать не могли. Тогда я решил спуститься с командой на дорогу, где мог быть скорее в курсе всех событий. Выйдя на дорогу, я вскоре встретил людей своего полка. Насколько мне помнится, они были посланы из штаба полка, или в штаб дивизии, или в соседний полк. От них я узнал, что турки оставили позиции, и наши продвинулись вперед.

С началом рассвета я вновь отправился к указанному мне еще вечером участку, но на пути встретил ординарца с приказанием немедленно следовать в штаб полка. Прибыв в штаб полка около 7 часов, я только там мог узнать суть всей обстановки и о тех переменах, которые произошли за истекшую ночь. Противник, оказавший сопротивление на участке Кубинского полка, в ночь на 25 октября очистил позиции, то же самое проделал он на участке против нашего правого фланга. На участке бакинцев противник до рассвета оказывал упорное сопротивление, и только утром бакинцам при содействии двух батальонов елизаветпольцев удалось их отбросить и занять селение Кепри-кей.

Таким образом, к утру 25 октября все Кеприкейские высоты были в наших руках. Что же касается моих ночных блужданий, то они мне наутро стали совсем ясными. Оказалось, что мое движение к назначенному мне месту было правильным, но, выйдя немного в сторону от левофланговой роты Кубинского полка, я вошел в большой прорыв, создавшийся еще с сумерек между частями. Высланные дозоры не могли установить связи, так как полк продвинулся вперед на 1500–2000 шагов.

* * *

Ночным боем у Кепри-кея не решилась участь всей операции. Это был лишь пролог к событиям, которые не замедлили выразиться. В глубоком маневрировании с обеих сторон и в упорных боях противник, оставив так легко Кеприкейские высоты, сделал это лишь из чисто тактических соображений. В сведениях о нем ясно указывалось о наличии 11-го корпуса в районе Гасан-Калы, и не было сомнений, что эти силы предпримут тот или иной маневр.

С другой стороны, нам, для конечного закрепления за собой взятых высот, необходимо было овладеть так называемыми Падыжванскими высотами (название дано им было по названию развалин бывшего армянского монастыря). Эти высоты находились перед фронтом среднего и правофлангового участков полка приблизительно в 7–8 верстах. Прикрывая собою Гасан-Калу, Падыжванские высоты своим выдвинутым положением к нам ставили наши позиции в невыгодные условия: с них противнику легко было обрушиться на наш центр и на правый фланг для занятия последних. С рассветом на 25 октября были высланы один батальон

кубинцев (2-й) и два батальона елизаветпольцев при двух горных орудиях 20-й артиллерийской бригады под общей командой полковника Трескина.

В девятом часу мы слышали сильную стрельбу в направлении Падыжванских высот, что означало переход отряда полковника Трескина в наступление. Около 10 часов было получено донесение, где полковник Трескин сообщал, что он, войдя в соприкосновение с противником, сбил его охранение, но дальше, ввиду превосходства над ним сил, продвинуться не мог. Указывая на недостаточность артиллерии, полковник Трескин просил о немедленной поддержке его. Минут через десять последовало приказание командира полка выступить в распоряжение полковника Трескина 3-му батальону вместе с четырьмя пулеметами, с которыми последовал и я. Подобное же приказание было дано одному из батальонов Кабардинского полка.

В одиннадцатом часу мы двинулись. Пройдя версты четыре, когда мешавший нам туман стал рассеиваться, мы ясно увидели перед собой Падыжванские высоты. У подножия их часто появлялись дымки от разрывов – очевидно, там находились наши. По пути все время попадались партии раненых, от которых ничего определенного нельзя было узнать. Пройдя с полверсты дальше, мы вышли в довольно широкую долину. Посередине ее вился ручеек, и при пересечении его дорогой (тропой) стояла мельница. Тут опять встретила нас группа людей. Между ними были и раненые, и обозные, и пришедшие за водой. Из их сведений можно было заключить, что отряд находится в тяжелых условиях. Отбив наше наступление, полковник сам перешел в контрудар, и хотя был задержан, но с трудом и с потерями. Пройдя долину, мы стали взбираться на позицию. Уже стали посвистывать пули и хлопать шрапнели. Было около часа дня, когда мы явились к полковнику Трескину. Последний, изложив нам обстановку, указал на невыгодность занимаемой позиции. Он считал необходимым перейти в наступление, рассчитывая этим улучшить положение отряда. Однако решение отложил до рассвета на 26 октября. Это он сделал по многим причинам, и главным образом из-за отсутствия кабардинцев²³ (последние подошли позже часа, через полтора после нас).

Часам к четырем я со своими унтер-офицерами поднялся наверх к стрелковой линии (3-й батальон), с целью ознакомления с местностью, и здесь воочию убедился, в какой тяжелой обстановке находился отряд. Цепи левофлангового участка располагались на краю каменистого оврага, на противоположной стороне которого был противник. Последний командовал над нами сажень²⁴ на тридцать и, будучи сам невидим, не выпускал из своих глаз ни одного нашего движения. Единственно, что спасало людей, – это большие камни. Они были до некоторой степени укрытием, но в то же время и причиной рикошетных ранений.

Участок елизаветпольцев (средний) был несколько выше, но в общем обладал теми же недостатками. Что же касалось правофлангового участка (кабардинцы), то его мне не пришлось увидеть. Поднявшись на артиллерийский наблюдательный пункт, я увидел часть высот, расположенных впереди линий полка. Они были почти все изрыты окопами и представляли собой несколько оборонительных линий. Но все-таки главным превосходством противника над нами была его большая артиллерия. Он имел в распоряжении несколько батарей против двух наших горных пушек. Ко всем указанным недостаткам нашего положения нужно было приписать выдвинутость отряда вперед, чем, несомненно, мог воспользоваться противник.

Столь невыгодное положение требовало решения или двигаться вперед, или же отойти назад, но только не оставаться в этом заколдованном месте.

К вечеру огонь стих. Были спущены вниз (в овраг) дозоры, и люди стали приводить себя в порядок, готовясь к следующему, может быть, еще более тяжелому дню. Бесспорно, в них

²³ 80-й пехотный Кабардинский полк вместе с 79-м пехотным Куринским полком входил в состав 2-й бригады 20-й пехотной дивизии 1-го Кавказского армейского корпуса.

²⁴ Сажень – старорусская единица измерения расстояния, составлявшая 2,1336 м.

замечалась под влиянием всего пережитого усталость, но о слабости духа не могло быть и речи. Наоборот, в них чувствовалась какая-то вера в успех, хотя обстановка не давала на это данных.

– Пушек мало, да и с табачком слабо, – вот были единственные их претензии.

Под прикрытием ночи была произведена перегруппировка, поднесены патроны и пища, убитые вынесены из линии.

Пробовали окопаться, но дело продвигалось слабо, ввиду каменистого грунта. Лопата только стучала, а кирка отскакивала от камня, давая искру.

Около 12 часов ночи я был вызван к полковнику Трескину. Не помню, каковы были сведения о полке, но в сведениях о наших войсках полковник указал на движение двух полков 20-й дивизии (77-й Тенгинский и 78-й Навагинский полки) по Ольгинскому направлению в обход Гасан-Калы и, следовательно, Падыжвана. Для совместных действий полковник приказал с рассвета перейти в наступление. Дав каждому из присутствующих офицеров инструкцию, полковник приказал мне поддержать пулеметным огнем движение цепей.

Еще задолго до рассвета все были на ногах. С одной стороны – готовились к атаке, с другой – опасение, что противник сможет сам предупредить нас.

Лишь только едва стали выявляться контуры местности, как где-то вдаль у противника появилось несколько вспышек, а затем услышали мы над головами характерный свист и разрывы. Спустя несколько минут мы были в пасти артиллерийского огня противника.

Спасаясь от смертельного роя шрапнельных пуль и осколков, люди залегали между камнями. Вдруг и с противоположной стороны оврага просвистела одна пуля, за ней другая, затарахтели пулеметы, и все, казалось, вокруг превратилось в сплошной хаос трескотни и гула. Казалось, что каждая частица воздуха была насыщена свинцом, сталью и смертью.

Передо мной кто-то вскочил, вскрикнул и упал без движения. Отстреливавшийся из-за камня стрелок, пораженный в голову, бессильно выпустил винтовку и как бы застыл на месте. Третий полз, беспомощно волоча ногу. Кто-то звал на помощь санитара.

Я огня не открывал, ожидая появления противника. Где-то вправо стрельба наша участилась, приняла нервный характер. Послышались крики, затем через несколько минут они стихли. Ружейный огонь почти прекратился, но шрапнель била с прежней настойчивостью.

Ясно было, что противник предупредил нас в наших намерениях и сам перешел в атаку. Оставаясь против кубинцев без движения,²⁵ он, разлив сильный огонь, обрушился всеми силами на наш центр и правый фланг.

Воспользовавшись еще не совсем рассеявшимся туманом, противник на участке елизаветпольцев подошел вплотную, но после штыковой схватки был отброшен на свое исходное положение.

Кубинцы хотя на сей раз ограничились только огнем, но потери их были большие. Как весь день 25 октября, так и утром 26 октября они опять расстреливались противником с командующей над нами высоты. Как бы в отместку за неудачу, противник, казалось, еще сильнее развил огонь артиллерии.

Наши две горные пушки героически оборонялись. Находясь немного ниже цепей на небольшой площадке у самой пропасти, они беспрестанно подсакивали, выбрасывая снаряды. Но что могли они поделать, когда артиллерия противника превосходила их во много раз.

Чтобы понаблюдать за полем противника, я поднялся на артиллерийский наблюдательный пункт, расположенный также недалеко от нас. Признаюсь, удовольствие было не из приятных. Очевидно, противник, заметив пункт, все время держал его под огнем.

Ответив на мое приветствие, командир батареи полковник Роде пробормотал:

– Черти всегда найдут – уже третий раз меняю пункт, – и дальше спокойным голосом подавал команды через телефониста.

²⁵ По всей вероятности, из-за оврага.

– Ваше высокоблагородие, нет связи, опять турок порвал, – проговорил телефонист.

– Старая история, беги поправь, да поживей, – сказал подполковник.²⁶ Через несколько минут связь восстановлена, и опять среди гула и треска разрывов то же спокойствие, те же команды.

«Фаталист или железные нервы, – подумал я, – но такие люди нужны войне».

Полковник Трескин, не имея возможности с рассветом осуществить свой план, решил атаковать противника около 10 часов. Заняв места, мы ждали его знака. Я установил пулеметы, применив их для стрельбы через головы своих. Дистанция еще раньше была измерена дальномером. Прислуга замерла у машин в ожидании моей команды.

По цепи пронеслось: «Встать, вперед». Поднявшиеся цепи стремглав бросились вниз, в овраг, я открыл огонь. Старые наводчики и вообще дисциплина команды сделали свое дело. Как бы прижатый к своим окопам пульной струей, противник мог лишь отвечать беспорядочным, и то не совсем частым огнем. Спустя минут десять наши цепи показались на противоположной стороне оврага. Ведя огонь до предела, чтобы не поражать своих, я прекратил его. Первой бросилась в штыки 11-я рота (капитан Замбжицкий²⁷), а за ней другие.

Противник, не приняв удара, отошел на следующую линию. Подобный успех достигнут был и елизаветпольцами и кабардинцами, но, к сожалению, с большими потерями. Особенно тяжело пришлось кабардинцам, которые наступали по открытой местности под губительным огнем противника.

Я вместе с резервными ротами стал спускаться в овраг. Противник как будто ждал этого. Имея в виду свое око, ²⁸ он стал обстреливать и новую позицию, и овраг фланговым артиллерийским огнем. Роты опять стали нести потери. Уже с новой линии навстречу нам стали подносить раненых. Невольно пришлось обратить внимание на своеобразную особенность действия артиллерийского огня в скалистой местности. Шрапнельные стаканы, ²⁹ ударяясь о скалу, лопались и, рикошетируя, производили какой-то особенный звук, похожий на хохот.

– Сатана смеется, – заметил кто-то не без остроумия.

Но не все на войне так драматично: даже в самые тяжелые минуты, в минуты безусловной опасности люди умели вставлять тот комический элемент, который так свойствен русскому простолудию.

Помнится, как один стакан, после разрыва снаряда ударившись о скалу, отскочил с большой силой и вновь ударился о большой камень, и таким образом проделав несколько рикошетов и потеряв скорость, как бы обессиленный свалился в нескольких шагах от одного стрелка. Последний пережил, по всей вероятности, немало жутких секунд, прижавшись к земле, но увидев благополучный исход, с отчаянной злобой бросился на стакан, стал его бить чем попало – каблуком, прикладом – и, ругаясь, закончил:

– Чертова сила хотела меня доконать, а сейчас я тебя.

Цепляясь за камни, подталкивая друг друга, мы взобрались на край оврага. Роты (2-й батальон), прибывшие раньше нас, вели перестрелку с противником, удалившимся шагов на 1300–1400.

Моему взору представилась панорама Падыжванских высот, которую я видел часа два-три с артиллерийского наблюдательного пункта, но с меньшим кругозором.

Целая система гор представляла ряд оборонительных линий, отлично укрепленных с той заботливостью и быстротой, как это умеют делать турки.

²⁶ Так в тексте. По ходу текста автор иногда называл одно и то же действующее лицо то полковником, то подполковником.

²⁷ *Замбжицкий* Михаил Станиславович (1870–?), капитан, в полку с 1891 г. Во время войны, по получении чина подполковника, был переведен в 15-й Кавказский стрелковый полк. Полковник (1916). Кавалер ордена Св. Георгия 4-й ст. (1916).

²⁸ Так в тексте.

²⁹ *Стакан* – стальная оболочка артиллерийского снаряда, имеющая цилиндрическую форму.

Всевозможные извилины местности, казавшиеся раньше подступами, ныне, судя по положению окопов, могли браться противником под огонь. Такая позиция могла бы быть взята только после тщательной артиллерийской подготовки и при условии двойного количества (а может быть, и больше) пехоты, чем располагали мы. Другим же способом для овладения Падыжваном мог бы быть глубокий обход с тыла (Гасан-Кала) и демонстрация целого фронта.

Занятая вновь линия в стрелковом отношении была выгоднее прежней. Здесь был и обстрел, и обзор, и противник не смотрел на нас с высоты птичьего полета. Но выиграв в этом смысле, мы в другом становились в еще худшие условия, чем раньше. Если раньше мы находились под косым огнем (кроме фронтального) неприятельской артиллерии, то сейчас поражались мы глубоким фланговым огнем. Потери наши росли с каждым часом. Большинство ротных командиров было выбито из строя, несколько рот осталось вовсе без офицеров, убыль людьми доходила до 40 %. Дальнейшее наше продвижение было бы противно основным понятиям тактики. Продвигаясь вперед, мы подставляли бы фланги и для охвата, и для обхода, пока не были бы окружены. Влезая в клещи противника, мы в то же время попадали в сложную сеть неприятельского огня.

Учитывая столь тяжелое положение отряда, полковник Трескин решил отойти на исходную позицию. Для планомерного отхода он приказал резервным ротам и мне с четырьмя пулеметами отойти первыми, занять позицию и прикрыть отход левого участка по оврагу.

Пройдя овраг «Чертов котел», как прозвали его солдаты, я занял прежнюю позицию. Недалеко от меня стояли две знакомые пушки. Воспользовавшись нашим продвижением, они тоже продвинулись вперед. Одна из них как-то скосилась на сторону и молчала. Вокруг ее лежало несколько убитых из прислуги. Другая яростно отбивалась, как будто хотела отомстить за подругу.

– Когда случилось? – спросил я.

– Да только вы ушли вперед, – ответил кто-то бойко.

– А поручик где? – задал я вопрос.

– Не выживут, наверно, прямо пулей в голову, – услышал я тот же голос.

Дальше не было времени для разговоров. Впереди, где были батальоны, послышалась утешенная с нашей стороны стрельба. Очевидно, противник повел наступление.

Приготовившись к бою, я и люди обратили взоры вперед. На фоне неба ясно вырисовывались людские фигуры. Они, отстреливаясь, начали спускаться. То были наши отходящие роты. Им во что бы то ни стало надо было пройти быстрее «Чертов котел» и выйти к нам.

Но вот после небольшой паузы на их месте показался противник. Вновь посыпались пули и в нас, и по отходившим. Я применил прежний и верный способ стрельбы, то есть огонь через головы своих. Стреляя почти без перерыва из четырех пулеметов, я этим не позволял противнику развить огня. Признаюсь, расход патронов был очень большой (около 12 000), но роты вышли сравнительно благополучно. При отходе отряда был ранен в голову полковник Трескин, его заменил подполковник Коломейцев. Для отряда потеря этого блестящего начальника была тяжела, особенно кубинцам. Его личный пример отваги бодрил людей, а присущая ему осторожность была необходима в этом первом тяжелом бою.

Начинало смеркаться. Артиллерия с обеих сторон замолчала. Казалось, что и мы и противник утомлены до крайности. Цепи вели редкий огонь, а люди нетерпеливо ожидали вечера, чтобы привести себя в порядок, перекусить, а может быть, и отдохнуть.

Воспользовавшись сравнительным затишьем, я спустился к выюкам. Меня еще полдня беспокоил подвоз патронов, которых после последней стрельбы осталось в обрез. К счастью, они прибыли и в должном количестве. Приказав поднести их и отдав еще кое-какие распоряжения, я направился к подполковнику Коломейцеву.

– Очень кстати, что пришли, – встретил меня подполковник. – В десятой и одиннадцатой ротах ни одного офицера, примите участок этих рот, я считаю его очень важным, ведите наблюдение за левым флангом.

Поднимаясь назад к целям, я услышал учащенную стрельбу сначала ружей, а затем моих пулеметов. Огонь начался у кубинцев, а затем перешел к елизаветпольцам и далее.

Перебегая от камня к камню, я добрался до своих пулеметов. Хотя уже были сумерки, но еще ясно можно было видеть спускающиеся цепи противника в овраг. Часть их расстреливалась нашим огнем, но большей части удалось скрыться в глубине оврага. За первыми цепями противника последовали другие. Чтобы прикрыть накапливание своих в овраге, противник с высоты открыл сильный огонь. Мы были буквально под градом пуль. От сплошной трескотни невозможно было подавать команды. С большим трудом я вызвал к себе подпрапорщиков 10-й и 11-й рот. Указав им на узкий обстрел с наших линий и на те мертвые пространства, которыми хочет воспользоваться противник, я приказал им продвинуть цепи с двумя пулеметами насколько возможно вперед и встретить противника огнем и штыком. Цепи поднялись и пошли, чтобы немного спуститься в овраг. Заметив их, противник перенес по ним весь огонь. Понесся очень большие потери, роты и два пулемета встретили противника на расстоянии 200–300 шагов. Буквально расстреливаемый, противник, не выдержав огня, повернулся и отошел. Не успел я прийти в себя, как с левого фланга прибежал солдат.

– Ваше благородие, под низом у нас колонна, не можем узнать свои или турки, – проговорил он, волнуясь.

Я поспешил туда с двумя пулеметами. Шагах в 500–600, а может быть, и дальше, видна была какая-то масса людей. Из-за густых сумерек тяжело уже было отличить, кто это был, свои или противник. Трудно было определить, в какую сторону шли они: на фланг или в тыл.

Людей взяло сомнение, и поэтому они не стреляли, но сомнение охватило также и меня, и вот по какой причине. Еще днем, не помню, из каких источников, распространился слух, что к нам на поддержку должны прибыть два полка. Естественно, что и люди, и я приняли эту массу (около двух-трех рот) за часть поддержки.

Однако ждать не было времени. Я отправил навстречу дозор с указанием узнать, в чем дело. Люди через минуты две-три вернулись и с волнением сообщили, что идут турки.

Еще через несколько секунд мы ясно слышали их крики, команды, они все ближе и ближе подходили к нам.

Я открыл огонь, если не ошибаюсь, шагов на 300–400. Люди проявили необычайную выдержку, готовые каждую минуту броситься в штыки. Но в последнем не было надобности, огонь сделал свое дело. Точных наблюдений за темнотой вести не представилось возможным, но стрельба пулеметов на 300–400 шагов в продолжение нескольких минут, даже с грубой наводкой, всегда дает ощутительные результаты.

Атака была отбита, противник и в этом направлении скрылся. Бой стих, но надолго ли? Несомненно, противник ночью или к рассвету повторит свою затею со свежими силами, а у нас они были на исходе. Сведения о личном составе 10-й и 11-й рот были печальные. Я потерял к тому же двух своих помощников. Оба подпрапорщика были убиты. Один из них свалился как сноп, пораженный в голову. Другой подбегает ко мне, схватился за грудь и упал, – по всей вероятности, ему пуля попала в сердце. (Подпрапорщик 10-й роты Нечаев, а второго фамилии не помню.)

Пулеметы также не досчитывали унтер-офицеров и часть прислуги.

Часам к восьми вечера я получил от подполковника Коломейцева³⁰ приказание, что весь отряд должен отойти на Кеприкейские высоты, держа направление на участок Кубинского

³⁰ Коломейцев Михаил Абрамович (1861–?), подполковник (1912). Вступил в войну в составе Кубинского полка. Полковник (1914). Кавалер Георгиевского оружия (1916).

полка. Мне приказано было охранять левый фланг отступающих батальонов. Часам к девяти позиции у Падыжвана нами были оставлены. Выслав заставу вправо, я начал спускаться в лощину (к мельнице), держа роты и пулеметы в полной готовности.

Я был в полной уверенности, что в лощине окажется противник, так как все его действия перед вечером указывали на его стремление обойти нас. К моему большому удивлению, его не оказалось нигде по пути нашего следования. До настоящего времени мне кажется, что противник или рассчитывал нас утром застать на оставленной позиции, или же он оставил нас в покое по чисто психологической причине, так как турки не любят драться ночью. Наш отход длился почти до 4 часов утра (27 октября).

Такая медлительность произошла ради мер предосторожности, но кроме того с нами было большое количество раненых, которые сильно тормозили движение (многих пришлось нести на руках).

Этим отходом закончился двухдневный бой у Падыжванских высот.

Несмотря на героическое поведение отряда, мы должны были приостановить операцию и отступить, так как задача отряду была поставлена в своей основе неправильно.

При создавшейся обстановке к 25 октября у Кепри-кея одной демонстрацией у Падыжванских высот нельзя было ограничиваться. Надо было действовать всем корпусом, а не ставить в принцип разделение своих сил. Бои у Падыжвана не есть для нас поражение, но отходом мы дали в руки противнику моральный козырь.

* * *

Пройдя с ротами линию окопов участка кубинцев, я остановился у штаба полка. Поделившись с присутствовавшими офицерами впечатлениями о боевых переживаниях, я узнал от них некоторые новости, и притом неутешительные. Ольгинский отряд, шедший в обход Гасан-Калы, потерпел неудачу. В чем заключалась эта неудача, в сведениях не указывалось, но отряд находился на пути отступления.

Сильно утомленный, не спавший около трех ночей, я завернулся в бурку и заснул как убитый. Когда меня разбудили, было около 11 часов. В тумане роты 2-го батальона строились и собирались куда-то идти. Кругом какая-то тишина, и это казалось чем-то странным после двухдневной почти непрерывной канонады.

Поднявшись, я направился к палатке командира полка. Последнего не было, так как он был вызван в штаб дивизии. От адъютанта я узнал, что мне приказано четыре пулемета при-дать ко 2-му батальону, который через короткий срок выступает на левый фланг полка. Этот батальон должен был сменить роты 4-го батальона, которые, в свою очередь, должны были податься вправо.

Кроме того, относительно общей обстановки адъютант сообщил следующее: Кубинский полк занимал участок около двух верст по фронту (номера высот не помню), имея вправо от себя Кабардинский полк, а влево Дербентский. На левом фланге дивизии были бакинцы, занимавшие позицию включительно до Кеприкейского моста (а также селение Кепри-кей). Елизаветпольский полк, как больше всех пострадавший (два батальона у селения Кепри-кей, а два батальона на Падыжванских высотах), стоял в резерве в полутора (или в двух) верстах за участком дербентцев. Полки окапывались, готовясь к упорной обороне.

Дав указания своему фельдфебелю о снабжении пулеметных взводов, приданных боевым участкам полка, я отправился на позицию с четырьмя пулеметами (3–4 взвода) на участок 2-го батальона. Я нагнал 2-й батальон и последовал в хвосте колонны. Через полчаса мы прибыли на место.

По причине густого тумана я не мог разобраться в местности, стоя на линии окопов, я видел только шагов на сто вперед, какую-то крутизну. Остальное было покрыто мраком неиз-

вестности. К часу дня стало светлее, небо расчистилось. Туман будто сползал вниз и казался под нашими ногами какой-то движущейся морской пучиной. И вот среди этой пучины стали появляться в различных местах черные островки. Они быстро росли, превращаясь в холмы, а затем в горы. Туман еще с большей быстротой стал нестись вниз влево и, подобно театральному занавесу, открыл перед нами перспективу той сцены, где должен был разыграться следующий акт кровавой борьбы.

Впереди перед нами я узнал оставленный нами Падыжван, а дальше от него высоты Гасан-Калы.

Позиция Кубинского полка командовала над местностью, причем она от левого фланга повышалась вправо. Обстрел был до 2000 отличный, но сильно пересеченная местность могла быть хорошим подступом для противника, особенно в сфере артиллерийского огня. Влево от нас, отделяясь оврагом, были дербентцы. Их позиции были значительно ниже наших, и большая часть их хорошо была видна нам. Как казалось, у них было большое оживление, строились окопы, прокапывались дорожки, подносился дерн и т. п. Осмотрев участок 2-го батальона, я установил два пулемета в середине его (между 5-й и 6-й ротами), а два поместил в прорыве (перед оврагом) между нами и дербентцами.

Рытье окопов местами встречало большие трудности, опять-таки из-за каменистости грунта. Пришлось при помощи дерна строить наносные окопы (из дерна складывался бруствер), что, конечно, представляло для противника хорошую цель.

Но вдруг где-то глухо прогремел орудийный выстрел, и через несколько секунд над окопами дербентцев мы увидели разрыв. Затем второй разрыв опять над ними. Люди прекратили работу, попрятались. Через несколько минут над нами такая же история. Также пришлось приостановить работы, отвести людей за противоположный скат, оставив наблюдателей. Наша артиллерия начала отвечать. Судя по стрельбе, противник вел пристрелку. К вечеру все стихло. Ночью мы продолжили работы по рытью окопов сменами, чтобы до утра их закончить, после 10 часов были высланы от каждого батальона разведки, чтобы обнаружить неприятельскую пехоту.

Через час в различных местах впереди послышалась стрельба, которая спустя несколько минут прекратилась. Разведка, вернувшаяся около 12 часов, обнаружила охранение противника в 4–5 верстах от нашей линии на высотах восточнее (в нашу сторону) от Падыжвана. Подобные разведки велись непрерывно целую ночь. Они большей частью доходили до сторожовки³¹ противника, но иногда на пути сталкивались с их разведчиками. Меня удивило, почему каждый раз при отправке новой партии на разведку было столько желающих идти вперед. Даже мои пулеметчики, которые вовсе не должны были ходить, и те стали проситься. Дело объяснилось просто: в удачных случаях в ранцах убитых турок находили люди табак и иногда кое-что съестное. Охота была рискованная, но, очевидно, тоска «по сигарке» брала свое.

Ночью начал падать снег, который не переставал до утра. День 28 октября начался спокойно. Падавший снег не позволял далеко видеть, и артиллерия с обеих сторон принуждена была молчать. Передали по телефону следить внимательно за противником, так как он на участке кабардинцев пытался наступать, но был отбит. Подъехала офицерская кухня, каким-то чудом забравшись на высоты. Ничего в ней, кроме горячего кипятка, не было, но и этому я обрадовался. Приятно было глотнуть горячую жидкость после нескольких дней перерыва.

Часам к десяти снег перестал падать, погода начала проясняться. Я невольно подумал, что противник воспользуется этим. Действительно, влево от нас, по всей вероятности на участке бакинцев, началась канонада. Огонь усиливался, распространялся, и через полчаса мы все были под сильным огнем. С той же энергией отвечала наша артиллерия. Она, несомненно, своей работой облегчала положение пехоты, ведя целый день дуэль с артиллерией противника.

³¹ Сторожовка – сторожевая линия постов.

За этот день мы пехоты противника не видели. Ясно было, что он огнем артиллерии подготавливал атаку. Судя же по мощности огня, можно было полагать, что против нас действовали солидные силы противника, а именно 11-й их корпус.

К вечеру огонь стих. Настала темная, холодная ночь. Разведкой в ночь на 29 октября выяснилось, что сторожевое охранение противника остановилось на той же линии, как в ночь на 28-е, то есть в трех-четырех верстах от нас. На участке правого фланга полка (1-й батальон) и против кабардинцев противник находился значительно ближе. Едва начало светать, как на самом левом фланге завязалась сильная перестрелка. К ружейному и пулеметному огню вскоре присоединился и артиллерийский огонь. Дело, очевидно, происходило на участке бакинцев, а может быть, и на левом фланге дербентцев. Спустя полчаса поднялся такой же огонь на нашем правом фланге в стык 1-го батальона и кабардинцев.

По телефону нас предупредили быть наготове, так как противник во многих местах перешел в наступление. Находящийся с утра в покое, наш участок (2-го батальона) стал обстреливаться артиллерийским огнем. Перевалив горку, я спустится в пулеметный окоп. Люди сидели в гнездах, устремив взоры вперед. День был сравнительно ясный, но глубокая лощина, лежащая перед окопами, была покрыта густым белым туманом. Шагов на 300–350 еще можно было видеть, но дальше ничего. Я приказал навести пулеметы на местные предметы и указал предел рассеивания каждому пулемету. Взяв карабин у одного из наводчиков, я также стал всматриваться вперед.

Противник немилосердно обстреливал нас, посылая непрерывно целые очереди снарядов. Горка, на которой расположились окопы 5-й и 6-й рот с пулеметами, особенно привлекала внимание неприятельских артиллеристов. Еще вчера совсем белая от снега – сегодня она была какого-то черно-бурого цвета от многочисленных воронок. Вблизи от меня что-то глухо взорвалось. Я почувствовал, что земля под ногами дрогнула, а затем я и люди были обсыпаны не то землей, не то грязью. По цепи передали, что граната угодила в окоп, двое убитых и несколько тяжело раненных. Но вот у дербентцев поднялся сильный огонь, затрещали мои пулеметы, что были в овраге. Я взглянул налево и увидел неясные в тумане человеческие фигуры. Часть из них попадала, остальные скрылись, но вскоре опять появились из тумана. Они быстро бежали на окопы и, сраженные, валились вблизи окопов.

– Ваше благородие, и на нас идут! – крикнул мне почти в ухо наводчик.

Я взглянул вперед себя и шагах в 300 увидел силуэт турецкого солдата. Очевидно, он, не видя нас, шел, не примеряясь к местности, держа винтовку наперевес с примкнутым штыком. За ним показались люди, число их из тумана росло. Они, еще не замечая нас, поднимались не спеша и довольно свободно. Я выстрелил, вслед за мной раздалось несколько выстрелов из винтовок, и заработали пулеметы. Первый упал, и за ним еще несколько человек, а оставшиеся невредимыми попятились назад и скрылись в тумане.

Я прекратил огонь. Но через несколько минут противник вновь показался. Их было значительно больше, и они быстро карабкались по крутизне, спешили приблизиться к нам. Нервно заработали винтовки, опять затарахтели пулеметы. Надо отдать противнику полную справедливость, он шел с полным презрением к смерти, стараясь ворваться к нам в окопы. Их осталось только половина, но и эта половина, дойдя до ста шагов, буквально расстреливаемая, не выдержала и повернула назад. Атака противника была отбита.

То же самое было сделано и на участке дербентцев. Не помню, какая их рота стояла рядом с нами, но мне не забыть ее блестящего поведения. Допустив противника до ста шагов, она прекратила огонь и бросилась в контратаку. Командующий ротой подпоручик Коренский, бросившись с обнаженной шашкой вперед, тяжело был ранен в голову и, не приходя в сознание, скончался в окопе (такой же смертью погиб его отец в Русско-японской войне). Своим предсмертным порывом этот герой-офицер воодушевил своих людей на подвиг.

Туман перед нашими окопами стал рассеиваться. Противник от нас отошел версты на две. Его отступающие цепи были взяты под огонь нашей артиллерией. Желая проверить мой пулеметный взвод, находящийся в овраге, я вышел из окопа, бегом перевалив горку, сел немного передохнуть. Граната и шрапнель противника не давали покоя. Выкурив папиросу, я хотел направиться в овраг, как вдруг ко мне, запыхавшись, прибежал из окопа пулеметчик.

– Ваше благородие, бомба угодила в наш пулемет. Володин и Андрющенко убиты.

Когда я вернулся к окопам, то мне представилась жуткая картина. Пулеметное гнездо представляло груды камней, изуродованных человеческих тел и разломанных частей пулемета. Сила действия гранаты была такова, что ствол пулемета был изогнут в виде какой-то кривой линии.

Сняв шапку, я посмотрел на погибших и с грустью подумал: «Не вы первые, и не вы последние».

* * *

На нашем участке, кроме артиллерийского огня, было сравнительно спокойно. Пехоты противника перед нами не было, и только по разрывам наших снарядов можно было заключить, что она находится за складками местности в линии своей ночной сторожки.

Наконец мне удалось пройти к пулеметам у оврага. Здесь дело обстояло благополучнее, но не без жертв. Из прислуги отсутствовало двое, один был ранен в плечо, другой осколком гранаты в голову. Впереди лежало несколько турецких трупов.

Вновь осмотрев местность, я предупредил людей быть внимательными, так как обстрел с окопов был небольшой и притом со многими мертвыми пространствами. Вернувшись назад к горке, я подошел к командиру батальона подполковнику Коломейцеву. Он держал телефонную трубку у уха и внимательно слушал. Телефонисты были как в угаре. Бравый унтер-офицер Саранча энергично всеми распоряжался.

– Ваше высокоблагородие, четвертый батальон вас зовет. Подожди, шестая (рота). Седьмая (рота), нажимай на разговорный клапан и не ори. Алехин, опять с дербентцами порвалась (связь), беги поправь и спусти линию ниже.

– Что нового, Саранча? – спросил я.

– Первому батальону пришлось жарко, но, кажется, все в порядке, – ответил он.

Воспользовавшись тем, что командир батальона перестал говорить по телефону, я, доложив ему о состоянии моей команды, спросил его, в каком положении находится полк и вообще вся обстановка.

Из его слов я вынес следующее. Противник после вчерашней артиллерийской подготовки сегодня с рассвета повел энергичное наступление по всему нашему фронту. Особенно настойчивые его атаки были на флангах. На участке кабардинцев (правый фланг) противнику удалось ворваться в окопы, оттеснить большую часть полка назад, но решительной контратакой положение было восстановлено. В стыке кабардинцев и кубинцев (1-й батальон) противник, прорвав линию, стал распространяться вглубь, но совместными действиями резервов был с большими потерями отброшен назад.³² На левом фланге (бакинцы) противник с рассвета обрушился большими силами. Ему удалось захватить село Кепри-кей и часть высот у моста. Положение оставалось серьезным включительно до подхода дивизионного резерва (елизаветпольцы). Высоты удалось вернуть, но село осталось за противником.

К полудню противник повсюду прекратил наступление, но энергичный огонь артиллерии он поддерживал до наступления сумерек.

³² Убит подпоручик фон Линге.

Признаюсь, что во всех последующих боях до конца войны я не был свидетелем такого мощного огня артиллерии с обеих сторон, как в день 29 октября 1914 года.

Принцип совместной работы разных родов оружия в этот день особенно был характерен.

Имея строгие директивы командования вырвать у нас Кеприкейские позиции, 11-й турецкий корпус, безусловно, намеревался с полудня повторить атаки, но его пехота огнем нашей артиллерии была принуждена к бездействию. Она была парализована, зажата в складках местности и лишена способности к маневрированию. Ей оставалось ждать покровы ночи или тумана, который подобно дымовой завесе способствовал бы атаке.

Спустя несколько месяцев после Кеприкейских боев я узнал, что приказом по 1-му Кавказскому армейскому корпусу 39-й артиллерийской бригаде был сделан строгий выговор за чрезмерный расход патронов в период боев с 24 октября по 4 ноября 1914 года. Несомненно, этот приказ займет несколько страниц в истории 39-й артиллерийской бригады, но к этим страницам должна будет также приписана глубокая благодарность всей пехоты 39-й дивизии своей артиллерии за ее выручку и самопожертвование.

Ночь на 30 октября выпала холодная и сырая. Падая мокрый снег, превращая землю под ногами в скользкую грязь. Я решил эту ночь провести с пулеметами, занимавшими позицию у оврага, так как последний внушал мне немало опасений. Людям приказал я посменно дежурить у пулеметов для открытия огня во всякий момент.

* * *

Ночь (почти до 5 часов) прошла в усиленных столкновениях разведчиков с партиями противника. Было обнаружено, что турки продвинулись к нам ближе и стоят в какой-нибудь версте. К утру наступило затишье, как будто перед грозой.

Почувствовав большую усталость, сидя в окопе, я, как у нас было принято называть, вздремнул по-заячьи, но ненадолго. Я был разбужен унтер-офицером, предупредившим меня о начавшейся стрельбе на правом фланге. Очнувшись, я убедился в правдивости его слов. Слышна была сильная стрельба, по всей вероятности, на участке кабардинцев. Чем ближе к рассвету, тем стрельба постепенно увеличивалась, приближаясь к нам.

Стало светать, уже ясно начали выявляться контуры окружающей местности, так хорошо изученной нами в течение этих нескольких дней.

Когда я поднялся немного в гору, то обнаружил, что стрельба доносилась не только справа, но и слева с участка бакинцев. Я хотел было еще выше подняться, но в это время заработали мои пулеметы, а вслед за ними открыли огонь и дербентцы, и 2-й наш батальон.

Сбежав вниз, я увидел шагах в 100–150 от пулеметных окопов цепь противника. Часть ее была уничтожена, а другая поспешно скрылась в тумане. Затем опять наступила тишина, изредка прерываемая свистом пуль.

Я сам сел за пулемет, приготовившись к бою. От сильного напряжения зрения у меня начали болеть глаза, но противник почему-то не появлялся.

Вдруг позади нас я услышал шаги бегущего к нам человека. Оглянувшись, я узнал в нем своего коновода.

– Ваше благородие, – проговорил он быстро. – Дербентцы отступают, как прикажете с лошадьми?

– Что ты мне несешь чушь! – вскричал я и притом жестоко его выругал.

– Так точно, ваше благородие, дербентцы прошли мимо нас куда-то назад.

Я как ужаленный вскочил из-за пулемета, взбежал вверх по крутизне и к ужасу своему убедился в отсутствии дербентцев. Окопы были пусты, и около нас лишь лежало несколько трупов.

Я крикнул унтер-офицеру, чтобы он немедленно доложил бы командиру 2-го батальона обо всем произошедшем.

Через несколько томительных минут тот вернулся бегом, заявив, что батальона у окопов нет, а куда он ушел, не знает, так как по причине тумана ему ничего нельзя было видеть. Я понял, что все отошли, а меня забыли предупредить.

Гадать и терять времени не приходилось.

Сняв пулеметы с позиции, я приказал отходить назад, но в полном порядке, чтобы иметь возможность каждую минуту повернуться и открыть огонь.

Люди тронулись, но тут лично со мной произошел инцидент, который, конечно, к истории полка не относится, но читателю он будет небезынтересен, так как подобные психологические явления на войне не единичные и, по всей вероятности, имеют на то свои толкования.

Отойдя шагов на двести, я вспомнил, что, оставляя пулеметный окоп, я второпях забыл там свою бурку. Дав людям направление, куда им надо было следовать, я круто повернул назад и, к великому недоумению всех, пошел к оставленным окопам. Насколько я припоминаю, в тот момент я буквально не ощущал той опасности, которой я подвергался, приближаясь к наметенной цели, то есть к бурке. Я тогда понял свою опрометчивость, когда начал переживать чувство страха, когда я вместе с буркой стал возвращаться назад к своим. Я каждый момент мог бы быть убит или взят в плен. В подтверждение моих опасений, по мне был открыт огонь с оставленной дербентцами позиции, занятой уже противником. Ужасное состояние, когда чувствуешь, что стреляют именно по тебе, да еще с близкой дистанции. Пули щелкали вокруг и как бы старались обогнать меня. Перевалив через гору, я скрылся от взоров противника и тем, может быть, случайно или чудом, спасся от гибели.

Трудно мне заниматься самоанализом, но мне кажется, что в тот момент, когда я решил отправиться в окопы, во мне работало не чувство сознательной решимости, а какое-то своеобразное чувство, если можно так выразиться, чувство подсознания.

Цитируя не совсем удачный пример из своей жизни, я хотел отметить, что на войне, помимо силы воли, то есть сознательной храбрости, ведущей к героизму, существуют еще другие импульсы человеческой души, побуждающие иногда к храбрости, а иногда просто к какой-нибудь отчаянной выходке. Разговаривая часто с отличившимися в боях, я вынес впечатление, что одни очень точно и подробно описывали все свои ощущения, включительно до страха, другие же откровенно признавались, что тот момент они не помнят или же помнят его, как во сне.

Я нашел своих людей в версте от оставленных окопов. Еще дальше в тылу я увидел какую-то роту. Полагая, что это одна из рот 2-го батальона кубинцев, я направился к ней. На самом деле это были дербентцы, которые прикрывали батарею,³³ застрявшую в грязи.

Надо было видеть только мучение людей и лошадей, чтобы понять, каких трудов стоит войскам отход при бездорожье. Орудия, зарядные ящики вязли в глинистой грязи, а пересеченная местность еще больше увеличивала тяжесть передвижения.

Таким исключительным положением легко мог бы воспользоваться наступающий противник, но он по непонятной причине нас не преследовал.

Наконец, после отчаянных усилий батарею подняли на вершину ската, и она медленно поползла дальше в тыл. Я присоединился к отходившему прикрытию.

Каких-либо определенных сведений от командира роты я получить не мог, так как он сам оказался в таких же условиях, как и я. Он только знал, что полк его отступает и предполагал, что полк может находиться правее его роты.

При такой неизвестности пришлось пройти версты четыре. Прошли маленькое село, у которого наш полк перед разворачиванием в боевой порядок 25 октября остановился на некоторое время. На нем уже были знаки войны. Отсутствие топлива заставляло войска пользо-

³³ 8-я батарея 39-й артиллерийской бригады.

ваться деревянными частями домов, как то дверьми, окнами и иногда крышами. Я попытался достать сена, но безрезультатно. Какие-то заботливые руки постарались отобрать у жителей весь запас дочиства. Со скрываемым недружелюбием жители провожали нас. «Но что же делать, – подумал я, вспомнив чью-то пословицу: “Где проходит армия – там трава уже не растет”».

Постепенно рассеявшийся туман (около 11 часов) дал мне возможность разобраться в окружающей обстановке. Повсюду и вправо и влево я увидел отходившие части. Они двигались различными порядками: кто цепями, кто небольшими колоннами, держа случайные интервалы, иногда доходившие до больших разрывов. Отход не носил характер беспорядочного отступления, но назвать его планомерным также нельзя было. Видно было, что какие-то обстоятельства принудили это сделать вопреки всяким расчетам.

Уже смеркалось, когда я подошел к селу (названия не помню), находившемуся на пути к Ардосу. Тут стояло, кажется, сотни две казаков, представлявших арьергард, но какой колонны, не помню.

Отдохнув с час времени, я двинулся на ночь к Ардосу. Путь по размякшим дорогам был сопряжен с большими трудностями, а временами темная ночь сбивала нас с правильного пути.

К рассвету я подошел к Ардосу. Не без радости я нашел тут свой обоз. Хотя люди и лошади были переутомлены до крайности, но состояние всего имущества оказалось в порядке. Там же я узнал, что полк отступал по горам влево от дороги и, по всей вероятности, находится сейчас где-то вблизи села.

Подходя к самому Ардосу, я должен был часа на два задержаться у очень крутого подъема. Тут сбились в кучу артиллерия, санповозки и всех видов обозы. Каждую пушку, каждую повозку приходилось втаскивать на гору, так как лошади, завязнув в грязи, едва волочили ноги.

Поднявшись, я встретил 2-й и 4-й батальоны своего полка. Они направлялись вперед, чтобы занять на ночь позицию (в одной версте к западу от села). Другие два батальона (1-й и 3-й) выступили с час тому назад в направлении между селами Саномером и Занзахом.

По записке, высланной полковым адъютантом, мне надлежало следовать за ушедшими батальонами, с которыми находился и штаб полка. В пути я нагнал батальоны, стоявшие малым привалом. Не совсем дружелюбно я был встречен командиром полка, пробравшим меня порядком за то, что я оторвался от полка.

Мне трудно дать сейчас полную и точную картину отхода полка с Кеприкеевских высот на Ардосские позиции. Мое пребывание на самом левом фланге полка 27–30 октября не дало мне возможности следить за всеми развивавшимися событиями на фронте. Я был связан своей узкой задачей и сделался лишь свидетелем отдельных эпизодов.

По тем же сведениям, коими пришлось воспользоваться мне впоследствии, я представил себе обстановку полка и отчасти дивизии за выше указанный период в следующем виде.

Еще до рассвета на 30 октября противник повел яростные атаки на наш правый фланг, занимаемый кабардинцами и кубинцами. Два раза отбитый противник с рассветом повторял атаки, стараясь нанести удар главным образом в стык наших двух полков, имея, по всей вероятности, целью прорвать фронт. Все попытки противника оказались тщетны, хотя наше упорство стоило нам больших жертв.

Около восьми часов кабардинцы, составлявшие правый фланг корпуса, обнаружили, что они обойдены крупными силами противника и во фланг, и в тыл. Считая свое положение в дальнейшем опасным и гибельным, они начали отход на Ардосские позиции в направлении Саномера. Естественно, что при создавшихся условиях кубинцам не оставалось ничего другого, как тоже начать отход также на ближайшие тыловые позиции. Почти одновременно противник атаковал и наш левый фланг, занимаемый бакинцами и отчасти дербентцами.

Атакованные превосходными силами бакинцы не выдержали и, отойдя назад, оставили позиции у моста. С помощью подоспевшего резерва (елизаветпольцы) положение было восста-

новлено, но ненадолго. Подкрепленный крупными и свежими силами противник вновь заставил очистить позиции на левом фланге, после чего части стали отходить на Ардос.

Таким образом, под давлением противника на оба наших фланга, а также ввиду обозначившегося глубокого обхода со стороны нашего правого фланга части 39-й дивизии (а также всего корпуса) принуждены были 30 октября отойти назад на Ардосские позиции. Несмотря на очень тяжелую обстановку, части корпуса отошли сравнительно благополучно. Противнику не досталось ни пленных, ни трофеев.

Решив задачу правильно, противник в то же время все-таки не довершил ее до конца. Заставив нас очистить позиции, создав основательную угрозу нашему правому флангу и располагая превосходными силами – противник почему-то не нашел нужным нас преследовать. Проявив хотя бы частично энергию в преследовании, он мог бы поставить нас в значительно более тяжелые условия.

Его ошибкой мы выиграли время. Мы успели отойти и занять Ардосские позиции, которые благодаря общей обстановке на всем фронте более были выгодны для нас, чем Кеприкеские высоты. Связь с противником, за исключением правого фланга, включительно до ночи 31 октября была прервана.

Разъезды обходящей колонны противника доходили даже до Караургана, но были оттеснены головными частями подошедшего к фронту Туркестанского корпуса.

Мне сейчас трудно вспомнить точно, в каком порядке заняли позицию части 39-й дивизии, отойдя на линию Саномер – Ардос – Царс. Припоминая точное положение Кубинского полка включительно до рот и ближайших соседей его, я в то же время затрудняюсь сказать, какой полк стоял на самом левом фланге 39-й дивизии и с каким полком мы входили в связь влево. Бесспорно, что там были частью бакинцы и елизаветпольцы, но сколько их было там и в каком порядке они стояли до настоящего времени, остается для меня неясным. Кроме того, нужно заметить, что результатом отступления явилось неизбежное смешение частей, с чем пришлось считаться до конца боя.

К вечеру 31 октября кубинцы заняли позиции впереди Ардоса двумя батальонами (вправо и влево от дороги, ведущей на Азан-кей).

Другие два батальона стали между Саномером и Занзахом. По всей вероятности, эти батальоны являлись частным резервом Саномерского участка. Вправо от кубинцев, расположенных на линии, находились бакинцы, занимая позицию включительно до села Саномер. От Саномера включительно до части Джилигельского оврага стояли кабардинцы, составлявшие, как и в предыдущих боях, правый фланг отряда. Находящиеся уступом вправо и назад от нас Зивинские позиции (Кавах-Тапа – Хорум-Даг) спешно укреплялись подошедшими частями 2-го Туркестанского корпуса. В Занзахе встал штаб дивизии и дербентцы как резерв дивизии.

Два батальона кубинцев (1-й и 3-й), получившие приказ встать между Занзахом, подошли к казначейскому пункту к 7 часам вечера. Роты встали в небольшой ложине, готовясь к ночлегу. Позади и в сторону от нас стояла на позиции батарея (6-я, подполковник Салагов). Тишина нарушалась неугомонными телефонистами, все время передававшими или принимавшими телефонограммы.

Поделившись с нами скромным ужином, командир полка спросил меня:

– Скажите, поручик, какие потери в вашей команде?

– Один пулемет уничтожен, двое убитых и четырнадцать раненых, – ответил я.

– Да, – проговорил командир. – До сегодняшнего дня у меня в полку потери пятнадцать офицеров и более тысячи трехсот солдат. На роты больно смотреть. Первые бои, прекрасно дрались, молодцы. А вас с вашими пулеметами я считал погибшими, у меня была уверенность, что вас уже нет в живых, или же, чего доброго, не попались ли вы в лапы к туркам. Помилуй Бог, обстановка была невеселая.

Дальнейший наш разговор был прерван телефонистом.

– Ваше высокоблагородие, штаб дивизии вас зовет, – доложил телефонист.

Через несколько минут командир полка поделился с нами следующими сведениями. Штаб дивизии сообщал, что конными разъездами противник к вечеру обнаружен в 7–8 верстах от нашей линии в районе селения Каландар в Мослагате. Далее штаб дивизии давал указания о разведке, о подвозе средств питания и т. п.

Высланные ночью из всех участков разведчики к утру были оттеснены противником.

День 1 ноября начался ружейным огнем наших отходивших разведчиков. К полудню противник открыл артиллерийский огонь по всему нашему фронту, как видно, ведя перестрелку. К 3 часам огонь усилился, но с наступлением сумерек прекратился.

Разведкой в ночь на 2 ноября было установлено, что противник в значительных силах находится вблизи нашей линии приблизительно в одной или в полутора верстах.

Ночь до рассвета прошла в перестрелке. К рассвету выяснилось (через перебежчиков), что противник целую ночь окапывался и готовится с утра перейти в наступление. Против нас стояли части 11-го турецкого корпуса и кроме того какие-то новые, подошедшие из Гасан-Калы. Утро 2 ноября было спокойное, но после 9 часов артиллерия противника начала подготовку атаки, продолжившуюся часов до одиннадцати, после чего показалась густыми цепями пехота.

Я в это время находился в верстах четырех-пяти от противника и в бинокль увидел те сооружения, которые он успел себе минувшей ночью соорудить. Я поразился, как он смог за ночь понарыть себе такую массу окопов. Линия, занимаемая противником, представляла отлично укрепленную позицию. Ведя наступление по всему фронту, противник обрушился атаками особенно на участки у Ардоса и Саномера. Неся очень большие потери, противник несколько раз доходил вплотную до окопов бакинцев и кубинцев, и даже раз был в них, но через короткий срок был отброшен контратакой. Подходившие к нам большие партии раненых свидетельствовали о новых и чувствительных потерях.

Часам к четырем противник опять возобновил яростные атаки по всему фронту, нанося теперь удары на участки от Саномера и вправо до Джилигельского оврага. Линия держалась, но начальники участков просили подкреплений ввиду больших потерь.

Для поддержки Саномерского участка командиром Кубинского полка был выслан батальон при двух пулеметах. Кроме того, им же было приказано командиру батареи полковнику Салагову продвинуть часть батареи ближе к Саномеру и по возможности взять под огонь Джигельский овраг, где противник вел накопления с целью обрушиться на фланг кабардинцев.

Эту трудную задачу отлично выполнил старший офицер батареи штабс-капитан Кончаковский. Пройдя полпути до Саномера, он через полчаса взял под огонь большую часть оврага, чем значительно упрочил положение кабардинцев.

К вечеру положение на всех участках было сохранено. Ночь прошла под огнем.

8 ноября с утра противник под прикрытием артиллерийского огня перешел в наступление по всему фронту. Главной точкой удара на сей раз он выбрал левый фланг кубинцев, расположенный влево от дороги, а также правый фланг елизаветпольцев.

Атаковав первый раз и понеся значительный урон, противник отошел на свою линию. Спустя приблизительно час времени он вторично повел атаки, проявив при этом энергию во что бы то ни стало прорвать наш фронт в направлении Ардоса. Невзирая на новые и еще большие потери, пехота противника приблизилась вплотную к нашим окопам. Полуразрушенные огнем, слабого профиля и притом без проволоочных заграждений, наши окопы не могли оказать серьезного препятствия противнику. Левый фланг кубинцев начал отходить в направлении Ардоса, а вслед за ним и его соседи. Окопы были оставлены приблизительно версты на полторы, а новая линия приняла форму вогнутой дуги между Саномером, Ардосом и Царсом.

Положение создалось угрожающее, и каждую минуту можно было ожидать, что фронт не устоит.

Но в это время на выручку отступающим цепям был брошен находящийся в резерве батальон дербентцев. С поразительной быстротой и энергией начали дербентцы выполнять задачу. Сам командир батальона капитан Гвелесиани дал почин этой поистине лихой контратаке. Горячий грузин первый врезался в гущу турецких солдат, работая шашкой, но тут же пал смертью храбрых, сраженный пулей. Его геройский порыв воодушевил солдат. Отступающие цепи, потерявшие надежду на успех, при виде контратаки дербентцев повернули и сами пошли на врага. Солдатский штык и приклад не знали пощады.

Противник, не ожидавший этого, остановился, замешкался и стал отступать. Его первые цепи, непосредственно столкнувшиеся с контратаковавшей частью, были перебиты, а частью бросились в бегство, внося панику в ряды своих.

Я лично наблюдал этот бой с горы, и вся обстановка мне представилась как на ладони. Я видел, как противник, заняв наши окопы, распространялся цепь за цепью по Ардосскому плато, готовый войти в село. Но вдруг его передовые цепи попали в жестокую штыковую свалку, а прочие, сбившись в массу, бросились назад, расстреливаемые нашим огнем. Положение было восстановлено, но не дешевой ценой. Эта контратака стоила и нам и дербентцам более ста человек потерь.

Отойдя на свои позиции, противник вновь обрушился на нас всей силой артиллерийского огня. В таком состоянии он держал нас до четырех часов.

Положение в окопах создалось поистине тяжелое. Партии раненых, проходившие мимо нас, вновь свидетельствовали о губительном огне противника. Отсутствие ходов сообщения и открытый тыл позиций еще более усугубляли обстановку на линии, так как противник не задумывался обстреливать артиллерией и одиночных людей.

Часов около четырех противник вновь атаковал нас, бросая в дело свежие силы. На этот раз он главный удар старался нанести не правее, а именно вдоль дороги. Применив способ обстрела, очень похожий на заградительный огонь, он под его прикрытием подвел пехоту к нашим окопам.

Оказав сопротивление ружейным огнем, наши цепи, вторично не выдержав напора, стали отходить на Ардос. Обстановка складывалась так же неблагоприятно для нас, как это было утром. Она стала еще опаснее, когда начальник Саномерского участка донес, что его левый фланг оголен и что ему угрожает опасность быть обойденным противником с тыла.

Тогда командир Кубинского полка приказал последнему батальону, находившемуся при нем, развернуться и атаковать противника, занявшего Ардосское плато и приближавшегося к селу.

Нужно подчеркнуть, что противник для осуществления задачи вкладывал все силы, не стесняясь жертвами. Его цель была прорвать фронт, занять Ардос и Занзах и отрезать нам пути от Кара-ургана. Он уже был близок к победе, а мы к крупной неудаче со всеми печальными последствиями отступления.

Развернутый батальон быстро спускался к Ардосскому плато. Я шел на фланге батальона и, всматриваясь вперед, заранее выбирал себе удобную позицию для открытия огня. Нам оставалось двигаться всего с версту, как вдруг отступившие цепи, быстро поднявшись, с громким криком «Ура!» бросились вперед на противника. Через минуту они были в рукопашной схватке. Трудно было разобраться, где наши, где противник. Это была сплошная масса, сплошной хаос нескольких тысяч людей и их криков. Ясно было видно то, как новые цепи из Ардосского оврага спешили вперед, вливаясь в страшный вал борьбы жизни со смертью. Противник не выдержал вторичного, почти на том же месте, как и утром, совместного контрудара кубинцев, елизаветпольцев и дербентцев. Он стал в панике отступать, бросая на пути винтовки и амуницию. Его попытка задержаться на взятых у нас окопах, не удалась. Преследуемый на плечах, он быстро их оставил, не оказав сопротивления.

Артиллерия с обеих сторон замолчала, как бы затаив дыхание, следила за кровавой борьбой пехоты.

Однако этим контрударом порыв наших не был исчерпан. Не дав противнику занять своих окопов, наши цепи вновь перешли в атаку с намерением окончательно отбросить противника в сторону Кепри-кея.

Оказав сопротивление ружейным пулеметным огнем и ручными гранатами, противник не смог устоять против стремительности наших солдат. Люди ворвались в окопы, и тут завязалась новая рукопашная схватка, выразившаяся в одинаковом упорстве с обеих сторон. Тут работали и штык, и приклад, и шашка, и револьвер. Только заработавший в тылу окопов наш пулемет сломил окончательную волю противника, который стал бросать окопы, сильно поражаемый огнем прорвавшихся пулеметов. Лихой и своевременной контратакой наше положение не только было восстановлено, но и в свою очередь был прорван фронт противника.

Отлично укрепленные за несколько дней позиции противника были прорваны в их центре в направлении из Ардоса на Каландар. Заметив прорыв, противник стал откатываться назад всем фронтом. Замолчавшая его артиллерия свидетельствовала о том, что она снимается с позиции, боясь сделаться нашей добычей. Части наши, стоявшие у Саномера, Царса, перешли в свою очередь также в наступление. Пройдя вперед около трех верст, они вследствие наступившего вечера остановились.

Ночь прошла спокойно. На рассвете было установлено, что противник остановился на линии: Джилигельских высот Алла-Килиса, Каландар включительно до реки Аракс. Нашим частям было приказано, отойдя с версту назад, закрепить за собой оставленную противником позицию.

Трехдневный оборонительный бой на линии Саномер, Ардос и Царс закончился тем, что противник вынужден был прекратить хотя бы на время активные действия. Ввязавшись с нами в упорные бои, он, несомненно, имел много данных на успех. Общая обстановка вполне отвечала его стремлениям прорвать наш фронт и лишить нас путей отступления. Но учтя многое, противник забыл учесть одно важное обстоятельство, а именно мужество и стойкость русского солдата. Поэтому храбрые полки противника, лелеявшие уже надежду победить, должны были остановиться в нерешительности, а затем и отойти.

Многое уже забыто, а что помнится лично мне, слишком трудно передать в полной живости, ибо умение запечатлевать боевые события, к сожалению, есть достоинство немногих.

Передо мной воскресают отдельные эпизоды боя 3 ноября, где родной мне полк проявил особую доблесть в решительный и опасный момент. Когда после четырех часов дня противник вторично заставил отойти нашу линию на Ардос, положение всего фронта сделалось очень критичным. Помимо брошенных резервов нужна была еще чья-то сильная воля, чей-то твердый дух, подобно капитану Гвелесиани, чтобы повернуть всех и бросить их в решительную и смертельную схватку.

Такая сила, такой дух нашлись в лице командующего 15-й ротой поручика Заур-Бека Хабаева. Отстреливаясь, шаг за шагом он подошел к селению Ардосу и занял последнюю стрелковую позицию. Дальше начинался крутой спуск и узкая лощина. Идти туда было равносильно тому, чтобы приговорить себя и роту, а может быть и всех, к гибели. Противник упорно приближался, готовый через минуту сбросить всех вниз. Когда противник подошел шагов на сто, поручик Хабаев, прекратив огонь и схватив винтовку раненого солдата, бросился вперед на врага с криком: «Кто кубинец, тот пойдет за мной!» Ему не нужно было повторять слова. Будучи большим любимцем солдат, он был в полной уверенности, что люди не оставят его одного перед турецкими штыками.

Вслед за ним побежали рядовой Маркелов и унтер-офицер Кирилл Гагнидзе, кавалер двух крестов с Японской войны и прибывший в полк в качестве добровольца. Этого было достаточно, чтобы поднять всех. Люди превратились в какую-то стихию, которую ничто не могло

остановить, разве только смерть. По словам поручика Хабаева, он совершенно не мог узнать солдат. Это были те же лица, но люди были другие. Слегка побледневшие, с расширенными глазами, кто с криками, кто с отчаянной бранью, они неслись вперед, забыв про страх, ища лишь свою жертву.

Добежав до первого турецкого солдата, поручик Хабаев, заколов его, бросился на следующего. Последний, отбиваясь ружьем и выждав момент, когда к нему подоспело несколько товарищей, сам ринулся на поручика.

Но тут как из-под земли выросли Маркелов и Гагнидзе. Сильным ударом прикладом в грудь Маркелов опрокинул первого турка, бросившись затем на другого. Атлетического сложения Гагнидзе работал винтовкой, как тростью. Стараясь заградить корпусом своего командира роты, он штыком пронзил живот нападавшему турку и разбил прикладом голову следующему, изготовившемуся уже нанести ему удар. Преследуя по пятам противника, поручик Хабаев был ранен пулей в плечо в нескольких шагах от неприятельских окопов.³⁴

Рядовой Маркелов, перескочив окоп, ввязался в рукопашную схватку и был поднят на штыки. Унтер-офицер Гагнидзе, ворвавшись в окоп и еще прикончив прикладом одного, был смертельно ранен пулей в висок. Подпоручик Ефимов (14-я рота), уничтожив с людьми часть противника в окопах, другую часть бросился преследовать. Он, убив револьверным выстрелом турецкого офицера и еще двух солдат, был сам убит брошенной в него ручной гранатой. Обливаясь кровью от полученных страшных ран, поручик свалился на труп турецкого офицера.

Ефрейтор Литвиненко за выбытием из строя унтер-офицеров принял командование пулеметным взводом. Он еще с Кепри-кея показал себя молодцом при отбитии атак противника. 3 ноября утром он при отходе на Ардос был ранен в бедро, но остался в строю. Вечером при преследовании противника он двигался на правом фланге 15-й роты. Как раз недалеко от него часть роты совершила прорыв неприятельской линии. Воспользовавшись этим, Литвиненко, пробежав шагов сто пятьдесят с пулеметами к туркам в тыл, открыл по отступавшим фланговый огонь. Помимо больших потерь, понесенных турками этим ловким маневром, была вызвана в рядах противника большая паника.

За Кепри-кей и за Ардос Литвиненко был награжден 3-й и 4-й степенью Георгиевского креста, удостоившись чести принять награду лично от государя императора.

Когда я подошел к занятым нашими турецким окопам, бой подходил к концу. Противник по всему фронту отходил, прикрывшись наступавшими сумерками. На рассвете частям приказано было отойти назад, а мне с пулеметной командой в селение Ардос.

Возвращаясь, я прошел через лощину, покрытую турецкими трупами, – жертвами наших беспощадных пулеметов. Дальше я увидел поручика Ефимова, рядового Маркелова, унтер-офицера Гагнидзе и многих, многих дорогих однополчан, живот свой положивших на поле брани. Еще вчера они полны были жизни, сердца их горели любовью к родине и ненавистью к врагу, а сегодня они лишь холодные изуродованные тела.

«Война, – подумал я, – ужасное и неизбежное зло, всегда сопутствующее человечеству».

* * *

Боями 4 ноября заканчивается первая и крупная операция Кавказской армии, получившая название Азанкейской.³⁵

Эту операцию, начавшуюся 25 октября и принявшую многогранный характер, можно разделить на пять последовательных периодов:

1. Наступательный марш на Кепри-кей и бой за овладение Кеприкейских высот.

³⁴ Через несколько дней поручик вернулся в строй.

³⁵ Как правило, в современной литературе употребляется выражение «захват Азанкейской позиции».

2. Бой у Падыжванских высот.
3. Оборонительный бой на Кеприкейских высотах.
4. Отход корпусов в исходное положение.
5. Бои на Ардосских позициях.

Трудно вообще рядовому офицеру дать оценку военным событиям крупного масштаба. Узость поля действия и обстановки, в которой ему приходится вращаться, едва ли могут дать достаточно данных на предмет всесторонней и справедливой критики. Только стратег и крупный историк могут в этом смысле высказать высокое слово.

Однако слишком много переживаний, слишком много последствий приходится на долю рядового бойца, чтобы он мог удержаться от высказывания личных взглядов на события, с которыми он связан. Так и я, записывая минувшее, не могу не высказать своей оценки. В ней, возможно, кроме искренности, найдутся ошибки, а может быть, и несправедливые нарекания на тех, в чьих руках тогда была судьба войск.

По моему личному мнению, Кеприкейская операция была навязана Кавказской армии, вопреки всяким расчетам командования. Наступательный марш на Кеприкей не соответствовал в то время ни нашей обстановке, ни нашим силам.

Задача 1-й Кавказской армии корпуса сводилась лишь к прикрытию разворачивания и формирования Кавказской армии. Мы должны были, по требованию обстановки, запереть все проходы и обороной, быть может, и активной, дать армии возможно больше времени на осуществление ее первых задач.

Начальник, решившийся на Кеприкейскую операцию, не считался с превосходством сил противника, сосредотачиваемого у Гасан-Калы, а также не принял во внимание неподготовленность к наступательным операциям нашего ближайшего тыла.

Войсковая разведка непосредственно перед операцией не добыла полных и точных сведений о противнике. Наконец, сам расчет марша на Кеприкей был неверен. Войска, выступив утром в поход, столкнулись с противником перед вечером, что для нас на незнакомой местности было невыгодно. Продвинувшись вперед почти на два перехода от границы, мы не имели достаточного резерва, чем не замедлил воспользоваться противник, обрушившись главным образом на наши фланги. Разрозненность операции у Падыжвана и на Ольгинском направлении, а также недостаточная их организация не дали нам, кроме потерь, ничего решительного, подняв при этом дух противника. Противник, отлично знакомый с нашей обстановкой, может быть, намеренно пустил нас на Кеприкей, желая тем вернее действовать на наши фланги. Приковав наш корпус к Кеприкею, противник посылает в обход нашему правому флангу достаточной силы отряд, чтобы отрезать нам пути у Кара-ургана.

То же самое делал он на нашем левом фланге, выслав дивизию (33-ю, для этой цели отправленную из Хныс-Калы) на правый берег Аракса для операции в направлении Дели-Баба, Башкей и Кара-Курта.

Своевременный отход 1-го корпуса, а также своевременный подход на правый наш фланг Туркестанского корпуса, а на левый пластунской бригады генерала Пржевальского³⁶ выводят нас из создавшегося тяжелого положения. Конечным результатом всей операции было то, что мы вернулись в исходное положение, понеся при этом очень большой урон в личном составе.

³⁶ Пржевальский Михаил Алексеевич (1859–1934), полковник (1896), командир Кубинского полка (1903–1905). Генерал-майор (1906). Командир Кубанской пластунской бригады (с августа 1914 г. 1-я Кубанская пластунская бригада) (1908–1915). Командир 2-го Туркестанского армейского корпуса (1915–1917). Генерал-лейтенант (1915). Генерал от инфантерии (1916). Кавалер Георгиевского оружия и 4-й и 3-й ст. ордена Св. Георгия (1915–1916). Сыграл важнейшую роль в Сарыкамышской и Эрзерумской операциях. Командующий Кавказской армией, затем главнокомандующий войсками Кавказского фронта (май – декабрь 1917 г.). 05/18 декабря 1917 г. заключил с Турцией Эрзинджанское перемирие. После развала армии покинул действующую армию. Участник Белого движения.

Вызовом Туркестанского корпуса на фронт была значительно нарушена планомерность наращивания Кавказской армии.

Часть II

Период с начала ноября 1914 года до первых чисел января 1915 года: Сарыкамышская и Караурганская операции

С 5 октября на фронте наступило затишье, в котором мы, кстати сказать, очень нуждались. Нам необходимо было пополниться после тяжелых потерь, совершить перегруппировку и закрепить позиции.

Прибывавшие пополнения производили на нас вполне выгодное впечатление. Большая часть людей была с Дона и Кубани. Народ крепкий, степенный и не старых сроков службы.

Они, вне всякого сомнения, должны были стоять выше первых укомплектований, поступивших, главным образом, из местного населения Карской области и далеко не оправдавших наших надежд. Последние, кроме отдельных смельчаков, оказались в боевой обстановке скверными солдатами. Самочинное оставление строя, саморанения и всякого рода симуляции среди них не являлись исключением. Против такого элемента пришлось принять ряд суровых мер, включительно до предания их военно-полевому суду. Хорошей мерой воздействия оказался также способ так называемого «домашнего воздействия», изобретенный самими солдатами. Бежавших с фронта вылавливали в тылу, возвращали в полки и тут же публично при ротах избивали. Кроме того, этих «крещеных», как в шутку называли битых, посылали в самые опасные места для исправления. Многие из них впоследствии делались отличными солдатами. Этот оригинальный способ воспитания провинившихся довольно крепко держался в солдатской среде.

Последний упорный бой у Саномера нарушил до некоторой степени порядок в частях. Произошла так называемая перемешка частей, явление весьма обычное после крупных боев. Так, в силу обстановки последних дней, Бакинский полк был вкраплен чуть ли не во все боевые участки дивизии. У Ардоса кубинцы стояли вперемешку с елизаветпольцами и с батальоном Куринского полка. К вечеру 6 октября была совершена перегруппировка, и части 39-й дивизии встали в следующем порядке: на правом фланге кубинцы от селения Саномер включительно до селения Ардос. В центре от Ардоса до селения Царс елизаветпольцы и на левом фланге включительно до реки Аракса бакинцы. В резерве оставались дербентцы в селении Занзах. Кабардинцы были отведены в качестве корпусного резерва в селение Хоросань. Правый фланг кубинцев входил в связь с частями Туркестанского корпуса.

Дни и ночи на фронте проходили в частых столкновениях наших разведчиков с мелкими партиями противника. Взятые в плен в этих стычках в общем не давали нам ничего существенного. С другой стороны, мы были осведомлены агентурой о том, что противник закончил сосредоточения корпусов и готовится к началу крупных операций.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.